

А.С. Варакин

Любовные драмы

ЗВЕЗД
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КИНО

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Александр Варакин

**Любовные драмы звезд
отечественного кино**

«ВЕЧЕ»

2017

Варакин А. С.

Любовные драмы звезд отечественного кино / А. С. Варакин —
«ВЕЧЕ», 2017 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-7902-1

Очередная книга из серии «Любовные драмы» посвящена истории жизни и любви звезд отечественного экрана, начиная с Веры Холодной – первой кинематографической звезды дореволюционной России – и заканчивая звездами наших дней. Всего автор собрал одиннадцать женских биографий. Возможно, читатель откроет для себя неизвестные страницы жизни любимой киноактрисы или для кого-то станет откровением само имя звезды и факты ее творчества. Автор включил в повествование историю русской актрисы Ольги Чеховой, звезды Третьего рейха. Ее отъезд из России и невиданный вскоре успех в Берлине и Европе являются одной из ярких загадок XX века.

ISBN 978-5-4484-7902-1

© Варакин А. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Отечественное кино, XX век. Вместо предисловия	6
Вера Холодная: она была первой...	10
Детские годы чудесные...	11
Любовь и жизнь	13
Работа и творчество на полную катушку	18
Новый виток и петля	23
1918 год. Хмурое утро. Сестры	26
У Черного моря...	28
Ольга Чехова: русская звезда на немецком небосводе	31
Любовь и верность	32
Замужество номер два и побег	36
Театр и кино	38
Правда и анекдоты из жизни Ольги Чеховой	41
После войны	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Варакин

Любовные драмы звезд отечественного кино

© Варакин А.С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Отечественное кино, XX век. Вместо предисловия

Как по-вашему, чему удивлялись первые кинозрители? Учтите, что такого вида искусства, как кино, до 1896 года просто не существовало и просмотры действительно были первыми.

И первое, что ответит современный человек на заданный вопрос, – что якобы зрителю все снятые объекты казались реальными, особенно тот паровоз, что показали братья Люмьер в своем первом фильме «Прибытие поезда». Когда поезд подходил к станции, многие не выдерживали и, вскочив, выбегали из зала. Да, возможно, это впечатление было подавляющим или по крайней мере самым ярким.

Однако обратимся к воспоминанию Алексея Максимовича Горького, который тоже видел фильм «Прибытие поезда» в Нижнем Новгороде. Причем это не собственно воспоминание, а текст, опубликованный непосредственно после просмотра фильма в новгородской газете, где Горький работал штатным корреспондентом, и это впечатление весьма ценно.

«Экипажи идут с экрана прямо на вас, пешеходы идут, дети играют с собачкой, дрожат листья на деревьях, едут велосипедисты – и все это, являясь откуда-то из перспективы картины, быстро двигается, приближается к краям картины, исчезает за ними, появляется из-за них, идет вглубь, уменьшается, исчезает за углами зданий, за линией экипажей, друг за другом... Перед вами кипит странная жизнь – настоящая, живая, лихорадочная жизнь...»

Ну и так далее. Все эти восторги молодого писателя понятны. Но обратите внимание, что же именно его удивляет: то, что объект (поезд, экипаж и т. д.) возникает из дальней перспективы, почти из точки, то есть практически из ничего. То, что объект может уйти в небытие, просто скрывшись постепенно за краем экрана (или за другим объектом, перекрывающим его). И, наоборот, из-за края экрана объект может неожиданно появиться. Нам, привыкшим к большому и малому экрану, условность ограниченного рамкой окна информации о мире воспринимается как нечто само собою разумеющееся.

Но дальше – еще интереснее. Оказывается, Горький говорит о том, что удивительны... размеры предметов! А зритель не может соотнести условность с жизнью: паровоз, перрон и люди (и т. д.), отображенные на киноэкране примерно в десять раз меньшими, чем существуют в реальности, – это *уже удивительно!*.. Разве могло бы это прийти нам в голову, не оставь писатель такого свидетельства? Зритель сопоставляет объект на экране с его реальными размерами и удивляется! Как будто в 1896 году никто из зрителей ни разу не видел картинок в книжках. Как будто фотография не насчитывает уже нескольких десятилетий существования.

Горький пишет и о том, что «серый тон гравюры» также поражает. А ведь это всего-навсего черно-белое кино, или, как сказали бы мы сейчас, нецветное кино. Кажется, зритель самого конца XIX века удивился бы менее, покажи ему братья Люмьер сразу цветное кино на пленке с высоким разрешением изображения, да еще и со стереозвуком. Цитируем дальше:

«Ваши нервы натягиваются, воображение переносит вас в какую-то неестественно однотонную жизнь, жизнь без красок и без звуков, но полную движения... Страшно видеть это серое движение теней, безмолвных и бесшумных».

Вы видите? Горький тоже произнес тогда это слово – «страшно». Таково впечатление первых зрителей первого в мире кинофильма.

И опять это далеко не все. Например, когда один голливудский режиссер, снявший уже не один фильм, решил подойти к делу творчески и впервые снял актрису крупным планом (это было новое слово в киноискусстве!), хозяин киностудии сказал ему, что и он, и публика платят деньги не за половинку актрисы, а за всю актрису целиком, а потому надо снимать ее, как положено. Представьте себе, что творилось бы на просмотрах первого фильма, если бы братья Люмьер догадались снять, например, только чьи-то глаза, только рот или ухо, да и

вообще просто полчеловека... Не было тогда ни монтажа, даже самого элементарного, – а что бы сказал зритель, если бы увидел хоть один из самых элементарных монтажных переходов?

Публика еще долго привыкала к новому аттракциону и привыкла только примерно к 1906–1907 годам. Именно в это время синемаграф повсеместно перестает заниматься просто хроникой, а дополняется простенькими игровыми фильмами. Правда, сказки и подобию детективных историй уже снимались и гораздо раньше.

Демонстрация фильма «Прибытие поезда» в Нижнем Новгороде состоялась в июле 1896 года. В Москве это произошло в середине мая, то есть на два месяца раньше. А какова причина того, что кино пришло в Россию столь рано – всего через несколько месяцев после своего изобретения? Оказывается, братья Люмьер появились в России неспроста: в мае проходила коронация Николая II, и они приехали снимать это событие. Снимал оператор Камилл Серф. Правда, трагические события на Ходынском поле остались незапечатленными, но вот коронацию в Кремле оператор заснял достаточно подробно. Люмьер подарил одну из копий этого фильма русскому царю, и с тех пор многие события из жизни царского дома регулярно снимались на пленку. Теперь это делали уже русские кинооператоры.

Монополия Люмьеров на киноаппаратуру продолжалась до начала XX века. Они надеялись и дальше распоряжаться своими правами так, как им хотелось, но почти одновременно с люмьеровским появился аппарат Домини, который свободно продавался (в России) фирмой Гомона, а также английский аппарат Роберта Пауля. Оба значительно уступали по качеству люмьеровскому, особенно последний, но, как уже говорилось, в начале XX века Люмьеры продали патент на свое изобретение, и их киноаппарат стал широко продаваться не только Гомоном, но и Пате.

Пока шла эта коммерческая возня с кинотехникой, Запад успел развить несколько крупных кинопредприятий, которые штамповали фильмы и распространяли их, можно сказать, в массовом порядке. Очень скоро любой кинодемонстратор мог вместе с демонстрационным аппаратом купить стандартный набор фильмов в виде некоего приложения к технике. У каждого из предприятий, торгующих техникой, был свой набор соответствующих кинолент. Когда все ленты были зрителем просмотрены и уже успели надоесть (скажем, в пределах какого-то крупного населенного пункта или крупного демонстрационного зала, тоже называемого синемаграфом), демонстраторы могли обменяться между собой набором фильмов и продолжать получать прибыль, не вкладывая денежных средств. Фирмы, торгующие техникой, постоянно обновляли «репертуар», и потому, если кто-то из демонстраторов через какое-то время приобретал еще один киноаппарат (чтобы расширить свое дело), он получал уже новый набор фильмов. А если ему не нужен был другой аппарат, он мог просто приобрести для своего театра (зала, синемаграфа) другой комплект кинолент.

Неудобство заключалось в том, что эта схема работала за пределами России и каждый из демонстраторов вынужден был ехать в Европу (в Париж) всякий раз, как у него заканчивался комплект фильмов. Первое же представительство европейской киноиндустрии возникло в России лишь в 1904 году. Фильмы стали доступнее, но проблема оставалась: у каждого демонстратора имелся свой запас использованных, но еще годных для демонстрации фильмов, показывать которые сам он уже не мог. В зависимости от размаха постановки дела это мог быть как небольшой комплект, так и громадный склад, забитый кинопродукцией. Небольшие киноустановки, которые тогда назывались «подвижными», а вплоть до последних лет существования СССР – «кинопередвижками», перевозились с места на место, потому что их хозяева не могли позволить себе обновлять свой кинокомплект. С помощью именно этих кинокочевников Россия быстро была охвачена синемаграфами. Качество этих кинозалов, как и размеры, варьировалось, но зритель за несколько лет не только привык ходить в кино, но и успел полюбить его. Запасы лент, лежавших на складах, стали востребованы, и владельцы поначалу продавали их со скидкой, а потом стали отдавать во временное пользование. В конце концов ситу-

ация прошла стадию перерастания количества в качество, и с 1907 года в России появился кинопрокат. Прокатом занимались три основные фирмы – это уже известная нам кинофирма Пате, компания Ханжонкова и «Тиман и Рейнгардт». Им подчинялись многие региональные конторы, занимающиеся работой с демонстраторами на договорной основе и обслуживающие, в зависимости от объемов, от одной до нескольких губерний. Все эти фирмы потом перерастут в кинофабрики и станут не только покупать и прокатывать кино, но и сами его снимать.

Впечатляющих успехов добился Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945), который, можно сказать, практически из ничего, с нуля создал сначала успешное кинопрокатное предприятие, а потом и кинофабрику. Первый российский фильм снят был именно на студии Ханжонкова (1908). Это «Понизовая вольница» – фильм про Стеньку Разина и персидскую княжну. Основой его была выбрана, конечно, народная песня «Из-за острова на стрежень...». Даже являясь чистой иллюстрацией к песне, лента таила в себе массу неожиданных сюжетных ходов и смотрелась с интересом.

Фильм «Понизовая вольница» снял Василий Гончаров на студии Ханжонкова. Очень скоро здесь станут работать будущие большие мастера – Евгений Францевич Бауэр, Яков Протазанов и другие.

Ханжонков первый в России стал перемонтировать зарубежные фильмы. Необходимость вмешиваться в западные картины диктовалась жизнью: текстовые вставки, поясняющие сюжет, которые называются общим словом «титры», в Европе писались на языке производителя, и наш зритель в большинстве своем не мог их понять. Ханжонков закупил у Гомона аппарат для создания титров (был и такой) и, прежде чем пустить фильм в прокат, снабжал ленту русскими титрами. Заодно мог измениться и сюжет картины, ведь многое зависело от монтажа и титров.

После революции именно с такой работы над фильмами и начал свою деятельность Виктор Шкловский: после революции многие фильмы, вместо того чтобы смывать их, советские кинофабрики перемонтировали и переделывали титры, в результате чего можно было из пошлейшей буржуазной мелодрамы состряпать приличный и соответствующий злобе дня сюжет – ведь там и убивают, и дерутся, и гоняются друг за другом...

Если говорить о российских кинофирмах, здесь просто не хватит места. Однако общие представления о процессе вы уже имеете. С 1908 года Россия стала активно снимать свои фильмы – одну за другой (тогда говорили «фильма» – женского рода) – и очень скоро стала одной из самых снимающих стран. Достаточно сказать, что уже начиная с 1912–1913 годов, европейский кинопрокат не мог существовать без российских фильмов. Тематика была самой разнообразной – от этнографии и географии до текущей хроники, а что касалось художественных лент, то снималось кино любого уровня – от классики до слащавых и слезливых мелодрам.

В 1910 году в России был впервые показан фильм с участием Асты Нильсен «Бездна». Чуткие российские кинематографисты тут же отметили бросающееся в глаза качество актерской работы актрисы, которая является первой в мире кинозвездой, и русское кино стало ориентироваться на этот высокий образец.

В отличие от Запада, где в кино театральные актеры снимались либо очень неохотно и только от нужды, да еще потихоньку от коллег (аттракцион считался низкопробным развлечением), наши актеры и режиссеры, особенно К.С. Станиславский, поняли великое значение кино как искусства, и в России в кино привлекались самые мощные актерские силы. Одним из первых в синемаатограф пришел Ф.И. Шаляпин. Выдающиеся мастера театра, в первую очередь актеры МХТ и его студий, Малого театра – внесли значительный вклад в становление отечественного и мирового кино. Трудно перечислить все громкие имена, но среди них были: Н. Радин, И. Мозжухин, В. Полонский, В. Каралли, Н. Лысенко, К. Хохлов, Ф. Шаляпин, А. Вертинский и многие-многие другие. В кино работали и М. Чехов, и В. Качалов, и В. Пашенная, и Л. Коренева...

В числе этих великих мастеров с первых своих шагов в кино оказалась и первая российская кинозвезда Вера Холодная. Именно о ней первая история. Именно с нее начинается история российских кинозвезд...

Побывали звездами кино и Тамара Макарова, и Вера Марецкая, и Наталья Ужвий, и Ната Вачнадзе, и многие звезды, которые не вошли в эту книгу, и те, что вошли: Любовь Орлова, Валентина Серова, Лидия Смирнова, Валентина Караваева...

Принцип подбора имен в данной книге – во-первых, актриса является несомненной звездой, а во-вторых, отличается какой-то своей, только ей присущей судьбой. При малом, как мне кажется, числе отечественных звезд, вы видите, что приходится еще и выбирать. И в который раз убеждаешься: да, наши звезды получали и денег, и благ гораздо меньше, чем звезды Голливуда, но светили западные звезды ничуть не ярче. Иначе бы Чарли Чаплин не дружил до самых последних дней с Любовью Орловой, а Голливуд не стремился заключить с Людмилой Чурсиной контракт на 15 (!) фильмов. Сейчас для нас не удивительно, что наши актеры снимаются в Лос-Анджелесе, а звезды Голливуда – в Москве и Питере. Но тогда, после выхода на экраны фильма «Журавушка», предложение Чурсиной воспринималось фантастичнее, чем роман Ефремова или повесть братьев Стругацких.

Мы даже забыли многое из истории кино, ведь наши Алла Назимова (еще до революции) и Антонина Бакланова (после) были голливудскими звездами, то есть в числе первых блистали именно на тамошнем, а не на нашем небосклоне. И не только они...

Я постараюсь не слишком омрачать вас, дорогой читатель, рассмотрением краха нашего кино, однако ведь и по причине этого общего краха судьба некоторых звезд в 1980–1990-е годы зашла в тупик. Но не все в этой книге так невесело, как можно подумать. Просто на самом деле: каждому дана отличная от других, только его собственная судьба, а на женщинах-звездах она проявляется, может быть, не сильнее, но заметнее.

Вера Холодная: она была первой...

Анкетные данные

Имя: Вера Васильевна Левченко (по мужу Холодная)

Дата рождения: 5 августа 1893 г. (умерла 16 февраля 1919 г.)

Место рождения: Полтава

Детские годы чудесные...

Мало кто знает, что Вера Холодная не имела профессионального актерского образования. Правда, у нее были кое-какие театральные (балет) и музыкальные навыки, но в остальном своей известности и неповторимости она обязана только природному таланту.

Родители будущей кинодивы учились в Москве. Отец – Василий Андреевич Левченко – окончил отделение словесности Московского университета, мать – Екатерина Сергеевна Слепцова – выпускница Александро-Мариинского института благородных девиц. После свадьбы они решили вести только самостоятельную жизнь и уехали на родину Василия Андреевича, в Полтаву, где он стал работать учителем словесности. Жалованья на жизнь, конечно, не хватало, и потому Василий Андреевич давал еще частные уроки плюс у Левченко столовались несколько студентов.

Вера Левченко родилась 5 августа 1893 года, и хотя родители ее не отличались особой красотой, девочка с малых лет была привлекательной – огромные глаза, в которых постоянно скрывалась какая-то грусть, темные локоны, картинное личико.

В Полтаве семья жила недолго. Когда Вере было два года, неожиданно умер ее дед, и бабушка настояла на том, чтобы дочь и зять перебрались в Москву и жили при ней. Вероятно, молодые родители к тому времени уже нахлебались «суверенитета», потому что они практически беспрекословно едут в Москву и поселяются вместе с матерью Екатерины Сергеевны Екатериной Владимировной. Здесь жизнь их начинает материально налаживаться, и вокруг семьи Левченко формируется культурная среда, которой им, скорее всего, не хватало в Полтаве.

Дом бабушки гостеприимен, она не противится и тому, чтобы у молодых появлялись свои друзья... Очень скоро они начинают принимать гостей, на этих встречах, как это часто бывало, разыгрываются домашние спектакли и капустники. Василий Андреевич прекрасно пел, и этот его талант переняла Верочка. Одним из развлечений были «живые картинки» – шарады, в то время весьма популярные, смысл их заключается в том, что участники импровизируют сценку на известный сюжет, а другие должны угадать, о чем идет речь. Сюжеты были самые разнообразные, жанры тоже, и потому девочка, с удовольствием участвовавшая в мини-спектаклях, конечно, получала не только представление о театральном, сценическом искусстве, но и приобретала некоторый опыт, который потом наверняка ей пригодился. Она рано научилась читать, но больше всего ей нравились книжки про морские приключения.

У Веры была сестренка Надежда, она родилась уже в Москве, в 1896 году. Ровесница кино.

Левченко жили в тихом московском центре, районе Кисловских переулков. Правда, неизвестно, в каком именно из четырех. Но известная гимназия Перепелкиной, в которую в 10 лет поступила Вера, находилась в Большом Кисловском, а есть еще Малый, Средний и Нижний Кисловские переулки. Это между Воздвиженкой и Большой Никитской улицами.

Однажды Вера с классом была на спектакле в Большом театре – и с тех пор заболела балетом. Она стала уговаривать родителей, чтобы ее отдали в балетную школу. Уговоры продолжались долго, но наконец Василий Андреевич и Екатерина Сергеевна согласились: девочка была немного пампушкой, и они понадеялись, что она не пройдет конкурса и ее не примут.

Как ни странно, Верочка поступила. Это было балетное училище при Большом театре. Но проучилась она только год. Виной всему была бабушка Екатерина Владимировна: она считала, что быть Верочке балериной никак нельзя, это не занятие для приличной девушки. В ту пору бытовало мнение, что сцена – это нечто недостойное. На бабушку Веры не подействовали ни настойчивые просьбы внучки, ни уговоры педагогов, которые уже разглядели способности девочки, ни даже веское слово Елены Константиновны Лешковской, актрисы Малого театра, которая была на тот момент не самой последней по доставшейся ей славе. Даже родители, и

те пробовали уговаривать бабушку – все было бесполезно. Прошел еще год, и Вера вернулась в свою гимназию.

Счастливые времена подходили к концу. В 1905 году Екатерина Сергеевна была беременна третьей дочерью – Соней (которая все же станет балериной!), когда Василий Андреевич неожиданно заболел крупозным воспалением легких и скончался. Екатерина Сергеевна, состояние которой усугублялось беременностью, сразу же после родов очень постарела. Она много лет переживала свое горе, и, когда гуляла по бульвару с маленькой Сонечкой, встречные принимали ее не за мать девочки, а за бабушку... Если бы не Екатерина Владимировна, то женщине без мужа и без поддержки родственников одной не удалось бы поднять троих детей. Было очень трудно, но тем не менее дети выросли.

С юных лет Вера не переставала грезить театром. У нее уже было много друзей и друзей из театральных и музыкальных кругов. В сентябре 1908 года произошло одно из самых значительных событий, повлиявших на ее судьбу. В Москву с гастрольным спектаклем приехала Вера Федоровна Комиссаржевская. Она играла главную роль в пятиактной трагедии Габриэле Д'Аннунцио «Франческа да Римини». Специально для великой актрисы пьеса была переведена с итальянского Валерием Брюсовым и Вячеславом Ивановым.

После спектакля Вера ходила сама не своя, в каком-то сомнамбулическом состоянии она пребывала несколько дней. Невпопад отвечала, в гимназии получила несколько двоек. Ее мучила бессонница. Можно сказать, она даже гредила наяву... В общем, с этого момента страсть к театру усугубилась, и Вера играла все главные роли в любительских гимназических постановках. Она даже успела до окончания гимназии вкусить долю славы. Говорят, что ее спектакли, так же как и спектакль с Верой Комиссаржевской, производили ошеломляющее впечатление.

В 1910 году она окончила гимназию. И на выпускном балу встретила со своей единственной и большой любовью...

Любовь и жизнь

Честно говоря, с детства я считал, что Холодная – это псевдоним актрисы. Красавица, снимавшаяся в звуковом российском кино, казалась мне внутренне холодной, и теперь невозможно понять, имя ли влияло на это ощущение или, наоборот, ощущения создавали легенду...

Все объясняется гораздо проще: на гимназическом выпускном балу Вера Левченко встретила со своим будущим мужем Владимиром Григорьевичем Холодным. Выйдя замуж, она взяла, естественно, его фамилию, под которой и прославилась.

В какой-то степени они были похожи. Вернее, схожи их судьбы. У Владимира тоже была дружная и счастливая семья. У деда были два сына – Григорий, отец мужа Веры Левченко, и Владимир. А вот у Григория и у Владимира было у каждого по много детей. У Григория – девять, у Владимира – восемь. Дед, Макар Петрович, был из украинских купцов, мужик правильный, крепкий и любящий выпить. Вероятно, последнее обстоятельство и позволило ему прожить на свете 125 лет, о чем любят вспоминать биографы Веры Холодной.

Отличительной чертой Холодных был большой рост. Высокий и красивый Владимир пошел статью в отца Григория Макаровича и деда. Нрав его, добродушный и широкий, тоже можно отнести к наследственным признакам рода.

Но важно было другое. Владимир, получивший университетское образование, пошел по стопам отца Григория Макаровича, который также после учебы в университете преподавал историю – сначала в Тамбовской, а потом в Воронежской мужской гимназии. Любопытно, что к 100-летию Тамбовской гимназии он опубликовал большой научный труд, касающийся русской педагогики. Последние годы жизни Григорий Макарович был директором Харьковской мужской гимназии. Мать Владимира Григорьевича, которую звали Александра Алексеевна, в девичестве Бородина, была тоже из интеллигентной семьи. Отец и мать воспитали в детях любовь к Родине, а также к искусствам и литературе. Надо ли говорить, что обе семьи не могли не понравиться друг другу, что, конечно, сыграло свою положительную роль в вопросе о предстоящем браке детей. Он состоялся очень скоро, и ныне известный факт, что Вера Холодная вышла замуж в 17 лет, никого не удивляет.

У некоторых авторов можно прочесть, кем стали братья и сестры Владимира Григорьевича: «Все дети Холодных выделялись своими способностями: брат Владимира Григорьевича – Алексей – юрист, служил в Министерстве финансов, но более всего был известен в Петербурге как музыкальный критик. Николай стал впоследствии известным ботаником, ученым с мировым именем. Григорий посвятил себя астрономии, Александра окончила Харьковскую консерваторию и пела на оперных сценах Харькова и Ленинграда, Ольга – выбрала медицину. Владимир Григорьевич Холодный, как мы уже знаем, окончил юридический факультет Петербургского университета и был в числе первых по успеваемости».

Сначала Николай и Владимир особенно увлекались естественными науками, в отроческом возрасте были страстными орнитологами. Впоследствии Владимир увлекся энтомологией и, кроме того, был хорошим музыкантом. Но ко времени своей женитьбы страстно увлекся автоспортом, а 1 марта 1912 года стал активно участвовать в издании газеты «Ауто» – единственной в то время в России, освещавшей на своих страницах спортивную жизнь. Время для издания спортивной газеты тогда вполне назрело: достаточно сказать, что только в одной Москве в 1913 году, по данным городской управы, насчитывалось уже 1283 автомобиля».

Владимир увлек автогонками и Веру. Они гоняли на автомобиле и несколько раз попадали в аварии, что заставило будущую кинозвезду все-таки несколько поунять свой интерес к автоспорту. Виталий Вульф, рассказывая про Веру Холодную, говорит о том, что один или несколько раз, попадая в эти аварии, Вера чудом оставалась жива.

Но вернемся к выпускному балу. Чем же так привлек Владимир Холодный Веру Левченко? Вы помните, что девочке больше всего нравились книжки о морских путешествиях и приключениях? Так вот, Владимир Григорьевич ночь напролет цитировал и читал ей стихи Николая Гумилева, в которых были и Африка, и жирафы, да еще захватывающие детали дальних путешествий. Еще бы Вера не влюбилась!

Свадьба была скромной: все родственники выступали против скоропалительности брака, правда, не учитывая, что здесь встретились, как говорит Виталий Вульф, с любовью исключительной. Но, несмотря на скромность торжества, несмотря на то, что там присутствовали только «все свои», все же были и важные гости. Например, артистка Мария Николаевна Левина, весьма близкая к семье, которая оставила об этой свадьбе свое воспоминание: «... Свадьба проходила скромно, Вера была молчалива, грустна, вообще она всегда отличалась скромностью, не любила павлиньих цветов, нарядов и украшений. Присутствовали на свадьбе простые люди... В моих наблюдениях я пришла к выводу, что Вера Холодная была простой, умной, любящей свой народ женщиной, равнодушной к нарядам и блеску золота».

Сразу после свадьбы Вера переехала в дом Владимира Холодного на Ново-Басманную, 28. Там они и жили. В 1912 году в этом доме родилась их дочь Евгения. Роды были очень трудными, и когда Вера выкарабкалась, врачи сказали ей, что больше ей рожать не стоит – ну хотя бы в течение ближайших нескольких лет. Однако Владимир привык к тому, что семья должна быть большой, как у его отца и дяди. Вера тоже придерживалась этого мнения. И год спустя они взяли приемную дочь Нонну.

«После появления дочерей Вера сменила увлечение автогонками на более спокойные: стала бывать в артистическом клубе «Алатр» (первоначально – кружок поклонников оперного певца Леонида Собинова), в доме Перцова в Саймоновском проезде, где в те времена был популярнейший салон – его называли «русским Монмартром», – пишет В. Вульф.

Что это был за «русский Монмартр»? Как он возник?

«Душой и организатором творческих вечеров в этом доме (доме Перцова. – *Примеч. авт.*) был в то время один из помощников режиссеров МХТ Борис Константинович Пронин, большой фантазер, человек неумной энергии. Многие одаренные молодые люди состоялись как творческие личности только благодаря ему и той высокой планке, которая была поднята в мире искусства корифеями русской культуры в конце XIX и начале XX века. Его по праву называли одним из создателей русского Монмартра в Москве. На этих творческих вечерах, вместе со своими подругами, часто приветливой хозяйкой была Вера Холодная. Девушки создавали уют, придумывали интересные детали к интерьеру, угощали гостей чаем и кофе, вращаясь в этой атмосфере, сами приобщались к миру творчества».

И, конечно же, «Алатр» (явная переключка с именем священного камня Алатыря) не мог обходить одно из важнейших явлений времени – синематограф. Равнодушных к синематографу не было. Причем это был тот вид искусства, куда путь не был закрыт никаким социальным слоем. В одном и том же зале смотрели «фильму» и дворники с кухарками, и депутаты Государственной думы. Тем более что в России не было в актерско-режиссерской среде высокомерного отношения к кино как к искусству второсортному или как к искусству вообще. Да, синематограф был аттракционом, и не более того, но было это до поры до времени. К моменту возникновения фильмов с Астой Нильсен, которой всю жизнь не то чтобы поклонялась, но старалась подражать (в хорошем смысле) Вера Холодная, многие российские актеры и режиссеры уже сделали кое-что в том же, что и Урбан Гад, направлении. Впрочем, «обвинять» режиссера в том, как работала Аста Нильсен, следует осторожно. Скорее это он шел за нею, а не она за ним.

Следом за «Бездной» (1910) на российские экраны выходят «Танец смерти», «Цыганская кровь» и другие фильмы великой актрисы. Фильмы все разные, Аста в них разная, но неизменно потрясает. Если современный зритель посмотрит любой из этих фильмов, то поймет, что игра датской актрисы ничуть не устарела и сейчас.

Вера Холодная испытала очередное и, пожалуй, самое сильное потрясение, посмотрев работы Асты Нильсен. Она ни секунды не сомневалась, что ради вот этого и возникло новое искусство. И она понимает: это то единственное, чем бы она сама, Вера Холодная, хотела бы заниматься... Но попыток никаких не предпринимает.

Проходит еще несколько лет. Вера взрослеет, дети подрастают. Наконец летом 1914 года – к тому же не от самой хорошей жизни – она решается и отправляется на студию «В.Г. Талдыкин и Ко». Она проходит пробы, но... начинается Первая мировая война. «Юной дебютанткой В.В. Холодной при таких условиях никто не заинтересовался, и кинематография едва не потеряла возможность возвести на престол будущую свою «королеву» – так писала спустя всего четыре года, в 1918-м, «Киногазета», выпустившая специальный номер, целиком посвященный Вере Холодной.

Владимира Григорьевича призывают на фронт, и жизнь, и так несладкая, становится еще хуже. Нетрудно догадаться, что с началом военных действий взвинчиваются цены, особенно на товары первой необходимости и на товары повседневного спроса. Несколько месяцев войны – и наступает самая настоящая нужда.

В русском кинематографе продолжается жестокая конкуренция, ничуть не убавившаяся с началом войны. Наоборот, все дорожает. Пленка, сами фильмы, поставлявшиеся не только из Европы, но и непосредственно из Германии, теперь недоступны. Хотя само немецкое кинопроизводство испытывает очевидный кризис: фильмы некому реализовывать, а потому в прокат их выходит все меньше и меньше. У нас же спада практически не было – наоборот, популярность кино росла. Зрителя не остановила даже новая цена на билеты (вместо 2 копеек – 10!): народ хотел смотреть кино и смотрел его.

Фирма «Тиман и Рейнгардт» давно уже запустила в производство «Русскую золотую серию», где снимала русскую классику. «Гроза», «Бесприданница», «Обрыв», «Преступление и наказание», «Каширская старина» – неполный перечень тех фильмов, что планомерно создавались во славу нашего кино. В них снимались замечательные актеры: П. Орленев, Р. Адельгейм, Вивьен Ли, В. Пашенная, Е. Рощина-Инсарова, Л. Юренева, В. Максимов. Именно Максимов, которого и по сей день иногда зовут «королем экрана», игравший так называемых фразных героев, немного позже станет ценителем таланта и наставником Веры Холодной.

Туда-то, в эту фирму, и отправилась Вера Холодная в 1915 году. Она пробовалась в «Анну Каренину». Владимир Гардин, создатель этого фильма и один из лучших на то время режиссеров России, снял Веру в двух эпизодах. Большой роли он ей не дал из-за отсутствия у девушки таланта. И на старуху бывает проруха – ну не разглядел!

Зато разглядел Тиман. Он был на просмотре отснятого материала и обратил внимание на красивую и загадочную женщину, снятую Гардиным. Правда, видимо, Гардин объяснил одному из совладельцев фирмы, что красота и талант не обязательно ходят рядом. И все же Тиману казалось, что дебютантка заслуживает большего внимания от кинопроизводителей, потому что по меньшей мере она должна понравиться публике. И он позвал Веру к себе. Не особенно вдаваясь в объяснения, он вручил ей рекомендательное письмо к Евгению Францевичу Бауэру, который работал над новым фильмом у Ханжонкова.

Здесь требуется небольшое пояснение по поводу того, чем руководствовался в этом случае Тиман. Дело в том, что, несмотря на свои заслуги перед кинематографом, Бауэр, прекрасный режиссер, довел свой метод до такого уровня, что ему было все равно, кого и что снимать. Он выстраивал кадр настолько умно, что в нем играло даже дерево. А потому, если актриса была красива, больше ничего и не было нужно: у Бауэра она станет играть так, что отсутствия дарования никто не заметит.

Но не все так просто. Когда мы сталкиваемся с фактом, который в большой степени, если не самым решительным образом повлиял на судьбу той или иной звезды, мы получаем иногда массу вариантов, интерпретаций одного и того же события. Например, есть совершенно

противоположная рассказанной версия про Тимана. Она гласит, что при просмотре отснятого материала по «Анне Карениной» Тиман, увидев красивую дебютантку, с сожалением высказал то же мнение, что и В. Гардин: как жаль, что эта красивая девушка лишена способностей... И что именно Гардин передал Вере Васильевне ту записку к Бауэру. Это подтверждается и воспоминаниями самого В. Гардина, который подтверждает факт передачи этой записки по той причине, что «сам он не до конца был уверен в своем приговоре».

Есть версия и о том, что сам Е.Ф. Бауэр встретил Веру Холодную в клубе «Алатр» и, очарованный ею, предложил ей сниматься... Но не поверить ли в таком случае самой Вере Холодной? Вот что вспоминала об этом факте своей биографии она сама: «Бывая в «Алатре», я встретила там с Н. Туркиным, который тогда служил у Ханжонкова, он пригласил меня к Ханжонкову, где мне поручили роль в «Песни торжествующей любви». Я не решалась сразу браться за такую серьезную роль, я боялась за игру и за лицо, так как мне говорили, что экран часто искажает черты, но меня убедили сначала попробовать, и я согласилась».

Как бы то ни было на самом деле, к Бауэру Вера Холодная пришла вовремя. Тот как раз собирался снимать свою «Песнь торжествующей любви» по И.С. Тургеневу. Для этой мистической любовной драмы ему требовалась женщина невиданной красоты, и она сама пришла на зов! Когда он сказал ей, что она будет играть главную роль, Вера Васильевна стала сомневаться, получится ли у нее (это явно читается в приведенном отрывке из ее версии). На это Бауэр терпеливо объяснил ей как раз все то, что могло прийти в голову Тиману, который ее якобы рекомендовал. Бауэр был не просто режиссером: его главной профессией была профессия художника-декоратора, а к тому же он оказался еще и блестящим оператором. Соответственно, работая с актрисой, он не только максимально выявил на экране ее красоту, но еще и показал ей в процессе работы, как она сама сможет наиболее выгодно и наиболее точно себя вести перед камерой, чтобы быть и естественной, и красивой, и эмоциональной. Никаких заламываний рук и выпученных глаз Бауэр не требовал, хотя многие режиссеры кино, в том числе и отечественного, шли именно по этому пути. Он же помог Вере Холодной осуществить принципы, которых придерживалась в кино Аста Нильсен.

Партнерами актрисы стали Витольд Полонский и Осип Рунич. Они еще не раз встретятся на съемках, а Осип Рунич будет и ее партнером по концертным программам. Но это будет позже.

Закончились съемки «Песни торжествующей любви», и почти без перерыва режиссер занял актрису в другом фильме – «Пламя неба». Это так называемая салонная мелодрама, где сюжет весьма примитивен, однако такие истории публика принимала охотно. В доказательство о незатейливости этого жанра – несколько слов о содержании «Пламени неба». Героиня – молодая женщина, которая «силою обстоятельств» (деньги, конечно!) становится женой пожилого вдовца. Она клянется ему в любви и верности. Но она понравилась сыну этого вдовца, к которому тоже равнодушна. Однако, сами понимаете, долг есть долг, и потому она избегает влюбленного молодого человека. Опять же силою обстоятельств они оказываются вдвоем, и наступает критическая минута: молодой человек пытается сорвать поцелуй, и она устала этому противиться... Но в тот самый момент, когда они целуются, их поражает молния!

Вот и все. Как видите, сюжет более чем примитивен, а кассовые сборы фильм получил очень и очень неплохие. Но вопрос даже не в этом: это был первый фильм с участием Веры Холодной, и он имел бешеный успех. Как говорят в таких случаях, на следующее утро Вера Холодная проснулась знаменитой.

Вы спросите: как же так, а где «Песнь торжествующей любви»? Да, этот фильм тоже вышел и имел не менее умопомрачительный успех. Но, как часто бывает, то, что было сделано позже, увидело свет раньше. «Пламя неба» стали демонстрировать с 4 августа 1915 года, а «Песнь торжествующей любви» – только с 22 августа. Но именно это и сыграло, вероятно, свою положительную роль. Публика, увидев в незатейливой картине новую красивую актрису, лучше

и глубже поняла и приняла тургеневскую «Песнь». Так что все здесь, пожалуй, произошло в свое время. Вера Холодная тут же стала для миллионов эталоном красоты и женственности. Можно сказать, что буквально после выхода в свет этих двух фильмов актриса стала звездой. И, заметьте, самой яркой.

Весной 1915 года, снимаясь у Бауэра, Вера, оказывается, получила еще и приглашение на роль Елены в фильме «Дети Ванюшина» по пьесе С.А. Найденова. Драматург сам написал сценарий к этой ленте. Однако почему-то «этот фильм снимался киностудией И.Н. Ермолева в спешке» (объясняется эта спешка великой конкуренцией – правда, непонятно, с кем: неужели еще кто-то ставил «Детей Ванюшина?»), а потому «не получился», его не рекламировали, а актеры, которые снимались в этой ленте, для чего-то скрывали свои имена. Потом Вера Холодная тоже не включит эту картину в свою фильмографию... Здесь явно что-то произошло: во-первых, по отзывам современников, лента не была столь уж плохой, а во-вторых, это был первый и единственный фильм, в котором Вера Холодная снималась вместе с Иваном Можухиным... Мне кажется, что в комментариях биографов содержится какая-то путаница либо преднамеренность, связанная с мнением самой Веры Васильевны. Можно даже допустить мысль, что она... обиделась на критиков: это был один из тех редких случаев, когда ее Елену в «Детях Ванюшина» рецензенты просто не заметили!..

Вероятно, имеется и какое-то другое объяснение, например, связанное с каким-нибудь гипотетическим скандалом в киногруппе, но судить не берусь.

Работа и творчество на полную катушку

С первых шагов Веры Холодной в кино трудно было встретить критика или репортера, который не произносил бы в ее адрес лестных слов. Вся тогдашняя атмосфера этому тоже способствовала. Не забудьте, что лицо Веры вполне соответствовало созревшему к 1915 году (а в общем-то гораздо раньше) женскому образу, воспетому декадентствующими поэтами, символистами, акмеистами и теми, кто был сам по себе, в первую очередь Александром Блоком в его «Незнакомке». Она таковой и была – возникшая ниоткуда Незнакомка.

Приведем высказывания современников, касающиеся работ Веры Холодной в кино:

«Вера Холодная не создавала – она оставалась сама собой, она жила жизнью, данной ей; любила любовью, какую знало ее сердце; была во власти тех противоречивых и темных сил своей женской природы, которыми тонкий далекий дьявол оделил ее от рождения. Она оставалась олицетворением пассивного существа женщины, чувства, отражающего веселые и жестокие забавы судьбы, женщины, очарование которой так же неразложимо, как бесспорно» (критик Воронин, 1917).

«Можно поздравить акционерное о-во «А.А. Ханжонков» с привлечением к экрану такой крупной артистической силы, как В.В. Холодная: богатство и разнообразие мимики, изящество жеста, благородная сдержанность игры, какая-то спокойная, уверенная манера держать себя перед аппаратом – всеми этими незаурядными достоинствами блеснула артистка в кинопоэме «Пламя неба» (журнал «Сине-фоно», 1915).

«...В центральной женской роли г-жа Холодная. Артистка чрезвычайно эффектна, аппарат ее не волнует, и она сохраняет хорошую скульптурную упругость жеста и движения...» (Еженедельник «Театральная газета», 1915.)

«Шедшая вчера драма «Пламя неба» с участием г-жи Холодной, г. Вырубова и г. Азагорова в главных ролях дала театру полный сбор, и последний сеанс прошел с аншлагом» (газета «Вечерние новости», 1915).

«Песнь торжествующей любви» по повести И.С. Тургенева с участием артиста Императорских театров В.А. Полонского, артистки В.В. Холодной и артиста театра «Соловцов» О.И. Руничя прошел при небывалом успехе. Каждая часть картины заканчивалась шумными аплодисментами просматривавших и громким выражением восторга и восхищения» (журнал «Кинема», 1915).

«...Как бы там ни было, картина смотрится легко, чему способствуют и исполнители. Г-жа Холодная, выступающая в роли Елены, дает красивый облик, хотя и не тургеневской героини. Она слишком современна, и костюм на ней современной светской барышни...» Это писал знаменитый критик Аргус в петроградском «Обзрении театров», и, как справедливо заметил один из биографов актрисы, последний упрек никоим образом не может относиться к Вере Холодной, поскольку все решения подобного рода принимаются режиссером-постановщиком.

Следующий номер журнала «Кинема» публикует новый материал, посвященный Вере Холодной: «...Особенной силе внешнего впечатления содействовало безукоризненное исполнение главных ролей В.В. Холодной и В.А. Полонским.

Г-жа Холодная – еще молодая в кинематографии артистка, но крупное дарование и даже большой талант выявила она с первым же появлением своим на подмостках кинематографической сцены. Роль Елены она проводит бесподобно; глубокие душевные переживания, безмолвная покорность велениям непостижимой силы, яркие контрасты чувства переданы без малейшей шаржировки, правдиво и талантливо...»

«У Веры Холодной был свой неповторимый шарм и такие выразительные, печальные, проникновенные глаза, что, раз их увидев, запоминаешь на всю жизнь. Ее глаза тревожили и волновали людей», – это вспоминала уже киноактриса Г.С. Кравченко.

Фильм «Песнь торжествующей любви» считается одним из самых лучших дореволюционных фильмов. Средневековые события, описанные Тургеневым, перенесены режиссером Бауэром в современность. И всех покорили, конечно, прекрасные серые глаза героини, исполняемой Верой, а может быть, и ее неискренность в нарочитой игре, коей страдали профессиональные актрисы, сами того подчас не замечая.

Нельзя сказать, что вот так единодушно все приняли и принимают Веру Холодную. Есть киноведы, которым почему-то очень хочется думать, а заодно и внушить читателям и зрителям, будто Вера Холодная, особенно в «Песни торжествующей любви», не больше чем натурщица среди выверенных декораций кадра, что режиссеры просто использовали ее яркую фактуру и не более, иначе она тут же бы проявила свою полную несостоятельность... Бог им судья. Во всяком случае, из нескольких оставшихся, дошедших до нас фильмов с участием Веры Холодной видно, что это не просто талантливая актриса, но актриса уровня не ниже, чем Аста Нильсен, а главное, проповедующая ту же концепцию, что Аста Нильсен: быть в кадре как можно естественней.

Но обратимся к самим работам и к жизни Веры Холодной.

За первый год она снялась в тринадцати лентах. Фактически получается, что на каждый фильм было потрачено примерно месяц работы. На самом деле эти сроки еще меньше – часто фильмы выходили с разницей в две или три недели.

А вот воспоминание Веры Дмитриевны Поповой, жены А.А. Ханжонкова, которое, к нашему счастью, касается не только одной Веры Холодной, но и дает общее представление о тогдашнем кино, что весьма важно. Вот ее слова:

«Перечислить всех актеров, принесших в кино свой театральный опыт, трудно. Среди них можно вспомнить Л. Кореневу, Е. Гельцер, Е. Вахтангова, Вс. Мейерхольда, М. Чехова, Б. Сушкевича и многих других. Нелишним будет напомнить, что 50 актеров Московского Художественного театра и его студий участвовали в создании фильмов нашего дореволюционного кино. Особое место в нем занимала В.В. Холодная. Скромная, трудолюбивая и выносливая, она безотказно снималась у Е. Бауэра, П. Чардынина, В. Висковского, Ч. Сабинского... Разумеется, немало было в этом деле и других людей, искавших прежде всего легкой наживы. Они потакали дурным вкусам обывательской публики, вызывая своей деятельностью у многих видных представителей русской общественности отрицательное отношение к кинематографу... Но так же, как мы не судим о литературе по произведениям Пазухина и графа Амори, так же, как мы не судим о театре по репертуару театра-фарс Сабурова, мы не должны судить о молодом киноискусстве по худшим бульварным фильмам, выпущенным дельцами и спекулянтами».

В третьем своем фильме, «Дети века», тоже мелодраме, Вера играет жену мелкого чиновника Торопова, которую соблазняет богатый коммерсант. Торопов кончает жизнь самоубийством... Здесь поднимается тема «маленького человека», которая в то время была не просто популярна: видимо, пришло ее время, которое предвосхитил еще Гоголь своею «Шинелью» и развили Островский в пьесах и Чехов в лучших своих рассказах и частично в драматургии. Тема была близка Писемскому и Достоевскому, а в театре и кино ее воплотил Павел Николаевич Орленев. Вера Холодная передала сложный образ Марии Тороповой, которой и жить хочется получше, и в то же время не хочется совершать своего падения, которое она очень остро осознает. Поскольку фильм сохранился до наших дней, мы теперь можем сами убедиться и в качестве работы актеров, и в удивительном качестве самого кадра – с художественной, операторской и режиссерской точек зрения. Фильм демонстрирует и великолепное качество монтажа – искусства, которое рождалось очень трудно: фильм будто смонтирован только вчера.

Прошло всего несколько месяцев съемок, фильмы с участием Веры Холодной еще не вышли на экраны. Вернее, вышел только один – «Пламя неба». В это время, в августе 1915 года,

она получает известие о том, что Владимир Григорьевич Холодный получил тяжелое ранение и находится при смерти в госпитале под Варшавой.

Вера немедленно бросает все и мчится к мужу. Он действительно в таком состоянии, что надежды на излечение нет. Однако Вера делает все возможное – она непрерывно сидит у его изголовья, самоотверженно ухаживает за мужем – и происходит чудо: Владимиру становится лучше. Убедившись, что он вне опасности, Вера мчится обратно в Москву: вся съемочная группа нового фильма бездействует в ожидании, когда она возвратится, потому что, наученные опытом проката первого фильма, режиссер и хозяин студии уже не видят актрисе замены. И если Вера Холодная, как мы уже говорили, однажды «проснулась знаменитой», то пробуждение ее у постели раненого мужа вряд ли помогло ей осознать свою знаменитость.

К чести актрисы следует сказать, что в «звездном» своем состоянии она не изменилась ни на грамм – осталась такой же скромной и приветливой, такой же отзывчивой на чужую беду и внимательной к другим, чего нельзя с уверенностью сказать о российской кинодиве номер два Любови Орловой. Даже о печальной судьбе Валентины Караваевой этого же не скажешь: живя с Чапменом, своим мужем, в Англии и Швейцарии, она могла закатить скандал горничной только потому, что пена в ванной не того качества, как бы ей хотелось...

Вера вытащила мужа с того света. Командование наградило его за храбрость Георгиевским крестом и «золотым оружием», очень редкой офицерской наградой, которая на самом деле представляла собою шпагу с золотым эфесом.

Актриса в конце августа уже выехала в Сочи вместе со съемочной группой. Там предстояли натурные съемки. Кроме того, артисты группы давали концерты для раненых и приняли участие в нескольких благотворительных концертах в пользу тех же раненых российских бойцов.

Возвращение в Москву было омрачено: все отснятое в Сочи оказалось снятым зря – из-за бракованной пленки. В то время, как я уже говорил, киностудии испытывали дефицит пленки – как негативной, так и позитивной, и приходилось по спекулятивным ценам покупать некачественную пленку из вторых и третьих рук, не всегда отличавшихся честностью. В повторную экспедицию на те же натурные съемки актриса не поехала: вернулся муж, и ей следовало быть дома, при нем.

Поскольку ее группа уехала, Вера Холодная соглашается на съемки в комедии «Наказанный Антоша». К сожалению, время не сохранило этот фильм, и хотя пресса оценила эту работу со знаком плюс, сама актриса, пожалуй, стыдилась его и тоже не включила в свою фильмографию.

Одновременно кинофабрика Ханжонкова выпускает на экраны ленту «Пробуждение», где Вера Холодная исполняет главную роль. Это первый фильм, поставленный Чардыниным с ее участием.

Уже на другой день было много отзывов, а самую пространную рецензию дал журнал «Кинема», где, например, говорилось: «Среди реальных драм видное место занимает прекрасно поставленная и исполненная драма «Пробуждение» с В.В. Холодной в главной роли. В игре этой артистки заметно тонкое понимание условностей экрана, что вызывает даже со стороны строгих критиков кинематографических постановок из театральных журналов самые лестные отзывы...»

Как и прежние фильмы, эта картина очень долго продержалась на экранах страны, и не раз возобновлялся ее показ.

Вера Холодная участвует в частых акциях, посвященных защитникам Родины. Это и благотворительные концерты, и вечера благотворительной распродажи специальных открыток «Раненому воину» и др. Она – одно из имен, на которые шла публика, и потому ее участие в этих мероприятиях очень важно.

В начале 1916 года П.И. Чардынин снимает фильм «Миражи», в котором Вера Холодная играет вместе с первой грузинской звездой Тамарой Гедевановишвили. Они остаются подругами до последних дней Веры. Примерно в это же время она снимается в фильме «Пьеро» по сценарию Александра Вертинского.

История знакомства Веры Холодной и Вертинского относится к ноябрю 1915 года, когда он привез ей от мужа письмо с фронта. Дело в том, что Владимир, еще не оправившийся от ранения, в октябре попросился обратно на фронт. Вера находила утешение в работе – она снялась в нескольких фильмах. Однажды к ней заявился солдат – высокий и худой. Он привез письмо от мужа. Вот это и был А.Н. Вертинский. С того дня он стал приходить к Вере каждый день – сидел в сторонке и только сверлил ее глазами. Скорее всего, это была неразделенная любовь, и фильм «Пьеро», вероятно, был отголоском его личных переживаний. В главных ролях снимались В. Холодная, В. Полонский, А. Громов. Вертинский посвятил Вере Холодной множество своих песен. И в «Пьеро» он играл вместе с нею... Однако по какой-то причине этот фильм так и не был закончен.

Зато вышли фильмы «В мире должна царить красота», «Огненный дьявол». Первый фильм поставил Бауэр, а второй – Вера Дмитриевна Попова, жена Ханжонкова. О первом фильме рецензенты говорили более сдержанно, чем прежде, поскольку, вероятно, режиссер не показал публике ничего нового «про себя», работу же актрисы хвалили по-прежнему рьяно. Зато второй фильм был раскритикован по всем статьям (вероятно, он того стоил), и только игра Веры Холодной расценивалась как по-прежнему безупречная.

Следом вышел еще один фильм Бауэра – «Жизнь за жизнь». Критика назвала его одним из самых лучших его фильмов, а западная печать это подтверждала. А Жорж Садуль в «Истории мирового кино» сказал, что Евгения Францевича Бауэра можно считать первым кинематографическим художником не только в России, но и в мировом кинематографе.

Приведем отрывок из материала одного из биографов режиссера, потому что в нем есть строки, посвященные и Вере Холодной:

«Сейчас, просматривая фильмы Бауэра, поражаешься не только пышности декораций, которую он очень любил, но и естественному поведению актеров, близкому к современному. Наконец, Бауэр стремился создать актерский ансамбль. Парадоксально, что в то время он не считал актера главным участником театрального и кинематографического действия. Вопреки Станиславскому и его знаменитому утверждению о главенстве актера на сцене основной для него была все-таки режиссура. А. Бек-Назаров, начинавший свой творческий путь под руководством Бауэра, рассказывал, как тот убирал из кадра решительно все, что могло отвлечь внимание зрителя от наиболее важного в развивающейся мизансцене. Он ставил актера в наиболее выгодное положение и очень долго всматривался в него, пока наконец не находил внешнего рисунка образа, передававшего те чувства, которые переживали героиня или герой.

По свидетельству известной киноактрисы С. Гославской: «...Духовный мир актера, процесс его творчества, глубина и верность переживаний не трогали Бауэра. Но это не было пренебрежением, отнюдь нет. Просто он всецело доверялся, знал, что актер сделает все возможное. А какой-либо своей концепции в режиссуре, видимо, у него не было. Многие актеры были очень довольны таким положением вещей и поэтому отлично ладили с Евгением Францевичем».

Бауэр нередко привлекал к съемкам и случайных людей, если их внешность соответствовала задуманной идее фильма. Так была приглашена и Вера Холодная. И, естественно, «школа» Бауэра многое дала актрисе, проработавшей с ним более года и снявшейся в восьми его фильмах. Но, по воспоминаниям Софьи Васильевны Холодной, Вера Васильевна, уже будучи кинозвездой первой величины, продолжая работать у Бауэра, сама, стараясь быть не замеченной зрителями, часто посещала второстепенные кинотеатры Москвы, внимательно всматривалась

в киноленты с ее участием, чутко прислушивалась, как реагировали на них зрители. Актриса пыталась разобраться в собственной игре, понять причины своих просчетов и удач».

Профессор Виталий Вульф пишет про фильм «Жизнь за жизнь» следующее:

«Вместе с Холодной в фильме «Жизнь за жизнь» снялась очень популярная тогда актриса МХАТа, известная красавица Лидия Коренева. Казалось бы, Коренева, с ее опытом, школой затмит Веру Холодную, – но этого не произошло. Критика отмечала, что, хотя игра Кореновой волновала и трогала, но запоминалась лишь Вера Холодная. Фильм «Жизнь за жизнь» был первым в истории отечественного кино, для просмотра которого была объявлена предварительная запись. Во многих кинотеатрах фильм демонстрировался по два месяца непрерывно – и сборы не падали. Уже через несколько дней после премьеры фильма в афишах имя Веры Холодной передвинули со второго места на первое, ранее занимаемое Кореновой».

Критик не упомянул лишь одного важного для нас момента: с той самой секунды, как имя актрисы «поднялось» выше имени Л. Кореновой, положение Веры Холодной как первой звезды отечественного экрана стало абсолютно бесспорным. Она стала «королевой экрана». Так назвал и свою статью писавший о ней Виталий Вульф.

Н.А. Болобан, который несколько десятков лет собирал материалы о Вере Холодной, в своих воспоминаниях пишет, что он несколько раз в разное время смотрел фильм «Жизнь за жизнь» и каждый раз находил все новые и новые штрихи таланта и задушевности в игре Веры Холодной.

Новый виток и петля

Виталий Вульф так описывает новый период в жизни и творчестве Веры Холодной:

«Ателье Ханжонкова стало снимать Холодную все чаще. Новый фильм с ее участием выходил примерно каждые три недели. Ею восхищалась публика, о ней ходили сплетни и анекдоты (в основном о том, к каким ухищрениям вынуждены прибегать режиссеры, чтобы снимать эту «бесталанную, но миловидную натурщицу»). А она продолжала и продолжала сниматься...

К 1916 году кинопроизводство в России достигло своего пика. Из-за войны зарубежные фильмы недоступны, зато между российскими кинофабриками конкуренция все растет. Снимать фильмы становится все выгоднее. Все больше предпринимателей приходят в кинобизнес со стороны.

Одним из таких был Дмитрий Иванович Харитонов. В 1916 году он открыл на Лесной улице в Москве собственное киноателье. Поначалу на него смотрели как на потенциального банкрота: у него не было ни режиссеров, ни операторов, ни – что самое важное – «звезд», на которых пойдет публика. Но Харитонов все это нашел: он попросту перекупил у других фабрик тех, кто был ему нужен, предложив им такие большие гонорары, что никто не смог ему отказать. Уже через несколько месяцев на Лесной собралась вся киноэлита во главе с Холодной.

Впрочем, она держалась дольше всех. Но к Харитонову ушли все ее партнеры по фильмам, операторы и режиссеры, с которыми она работала... К тому же деньги были для нее важны: муж все еще на фронте, у нее на руках дочери и сестры, а жалование у Ханжонкова вовсе не такое большое, как можно было подумать. Кроме того, Харитонов обещал больше свободы творчества, а его ателье было расположено всего в пяти минутах ходьбы от ее дома. И она решилась...»

У Харитонova актрису ждала незапланированная радость: сюда же пришел Петр Чардынин. Если у Ханжонкова он был вторым после Бауэра, то здесь стал главным. Интерес Чардынина, как режиссера, состоял в актере, и потому потогонная система, когда за две-три недели снимался фильм, на Лесной прекратилась: за полгода она снялась у Харитонova лишь в трех фильмах. Это были «Столичный яд», «Пытка молчания» и «Ради счастья». К Вере Холодной у режиссера было особое отношение в связи со вполне понятными чувствами, которые в те времена владели многими: конечно же, Чардынин был влюблен в актрису. Это помогло ей к тому же выбирать, что играть. Впрочем, Чардынин и сам прекрасно знал, каким должен быть ее репертуар. В самом начале 1917 года вышел самый лучший ее фильм – «У камина». Он был снят по мотивам романа, бывшего тогда очень популярным. Успех этой ленты стал просто оглушительным! Достаточно сказать, что в отечественном кино не было равных ему по прокату. И несмотря на Октябрьский переворот, несмотря на несколько ужасных для страны лет, в кинозалах разрушенной России он имел неизменный фурор. Главрепертком снял его с проката лишь в 1924 году.

Через полгода Харитонов снимает продолжение «У камина» – это был фильм «Позабудь про камин, в нем погасли огни...» (название фильма было составлено из строки того же романа). Вера Холодная сыграла цирковую артистку. Можно себе представить, какова она была в трико и короткой юбочке... Трудно сказать, каков был истинный уровень этого фильма, но, когда он вышел на экраны, публика едва не снесла кинотеатры ломаясь на сеанс.

Тогда Харитонов объявляет о третьем фильме – «Камин потух», однако съемки этого фильма по известным причинам не состоялись: наступили смутные времена.

С приходом к власти большевиков обстановка в кино изменилась. Ленин произнес свою известную фразу «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» – и новая власть кинулась снимать с проката сотни «старорежимных» фильмов. Она запрещала, закрывала, опечатывала и арестовывала. Сотни фильмов, как теперь сказали бы, «пошли под нож»: не разбира-

ясь в художественных достоинствах и недостатках, сотни, если не тысячи дореволюционных фильмов большевики просто смыли. Виктор Шкловский вспоминает, что он этим занимался уже в двадцатые годы на третьей кинофабрике – впрочем, не сам лично, а это делали при нем, если фильм никак нельзя было перемонтировать и дать ему тем самым «вторую жизнь». Вероятно, понятия «авторское право» тогда вовсе не существовало... Как, впрочем, и сейчас. Да и куда было жаловаться – в Ревком?..

Но я несколько забежал вперед. Пока мы – в начале 1917 года, когда вышел фильм «У камина».

С Харитоновым произошла метаморфоза. Поняв, что его студия умеет и может все, он стал вести себя так же, как и все хозяева киноателье: он ввел у себя на студии строгий распорядок. Теперь фильмы должны были делаться так же, как у других, то есть один фильм в три недели. Более того: он ввел штрафы за опоздания на работу. Правда, оплата все-таки оставалась прежней... Зимой 1917-го с Верой и Владимиром Максимовым произошел несчастный случай, которого могло бы не быть, если бы они оба не опаздывали на студию. Они ехали вдвоем на извозчике, все время подгоняя его, а он, в свою очередь, понукал лошадь – в результате сани очень неудачно зацепились за трамвайные рельсы и перевернулись. Причем произошло это на полном ходу, а лошадь, испугавшись, понесла и протащила артистов по земле, подталкивая их перевернутыми санями, целый квартал. Оба остались живы, но Вера успела простудиться, а Максимов еще много дней гримировал лицо, тщательно скрывая синяки. Однако съемки не были остановлены: Вера играла с температурой, а Максимов с синяками. Потогонная система, введенная и у Харитонова, заставила Веру Холодную сняться в течение 1917 года в 12 фильмах. Это было почти столько же, сколько ставилось с ее участием у Ханжонкова.

9 июля 1917 года от воспаления легких умер Евгений Францевич Бауэр.

Несмотря на плотный график работы на студии, Вера находила время и для концертов. Правда, они сами ее находили – ей нужно было лишь выбрать «окно», чтобы съездить на короткую гастроль. Зачем ей это было надо?.. Оказывается, кинематограф дает только славу, а раскрыться можно лишь перед публикой – ее детские мечты были не случайными: ей как раз не хватало публики, сцены... Это очень тонко уловил еще в 1916 году К.С. Станиславский и пригласил актрису к себе в Художественный театр играть Катерину в «Грозе» Островского. Вера Холодная не ответила великому учителю ни да, ни нет, но каким-то образом пресса прознала про это приглашение и уже считала дело вполне решенным. Газета «Театр», например, писала: «Обычно артисты речевой сцены идут в киноателье. Здесь наоборот: артистка кино идет в речевой театр. Это уже не первый опыт г-жи Холодной. Текущий сезон артистка провела в частных гастролях по подмосковной провинции с целью практически ознакомиться с условиями обычной сцены перед своим вступлением в труппу студии Художественного театра, куда артистка приглашена К.С. Станиславским еще в прошлом сезоне».

В одном из своих писем ее сестра, С. Холодная (после смерти Веры Софья взяла себе этот псевдоним и выступала в балете именно под этим именем), вспоминает, как это было: «После того как Вера Васильевна проработала год или немного больше (в кино), ее пригласил к себе в Художественный театр Станиславский и предложил ей играть роль Катерины в «Грозе» А.Н. Островского. Она сочла это предложение за великую честь, долго беседуя со Станиславским, но отказалась играть на сцене такого замечательного театра. Любовь ее к своему «великому немому» превысила все. К тому же она говорила, что в Художественном театре над одной ролью работают целый год, а потом ее играют раз 20–30. Вера Васильевна торопилась жить, будто у нее было предчувствие, что она недолговечна».

А театра ей хватало и на концертах. Правда, это был не МХТ, но все же. Она разыгрывала с партнерами небольшие пьесы, как раз подходящие для таких выступлений. Сейчас мы назвали бы эти короткие, даже не одноактные, пьесы миниатюрами...

С приходом большевиков пострадала именно концертная деятельность Веры Холодной. Война была у большевиков не в чести (если вы помните, они желали своей стране поражения и довели дело до Брестского мира, в то время как именно Россия внесла наибольший вклад в победу Антанты), так что и благотворительные выступления тоже прекратились. Началась первая волна национализации 1918 года. Харитонов очень испугался и, едва запахло жареным, организовал выезд студии на юг (якобы для натурных съемок). Об этом тут же узнали репортеры и стали следить за каждым шагом Веры Васильевны.

Она собралась ехать с киногруппой, и многие газеты не замедлили опубликовать разногласные сообщения о предстоящем отъезде Веры Холодной: кто говорил, что она едет в Петроград, кто – в Ярославль, кто – в Одессу.

Были правы те, кто считал, что конечный пункт киногруппы – Одесса, но Вера поехала в Киев. Это было ей по пути. В Киеве она и Осип Рунич остановились и сыграли спектакль-мелодраму. Публика была в восторге. Спектаклей было распродано несколько, все на аншлагах.

Это был не отъезд на натурные съемки: Вера бежала от Советов. Она захватила с собой Женю и мать (смотреть за девочкой). Потом к ним присоединится Надежда. А пока что сестры Веры, Владимир Григорьевич и Нонна остаются в Москве...

Никита Михалков, поставивший фильм «Раба любви», имел в виду не совсем Веру Холодную, но в значительной степени и ее тоже. Правда, никаких амуров у Веры в Одессе не было, никого из съемочной группы или рядом с нею не убивали, но Одесса 1918 года была страшным городом. Власть в нем переходила из рук в руки, потом пришли немцы... Валентин Катаев очень объемно показал то страшное, что творилось в Одессе при смене властей, в одном из своих последних произведений «Уже написан Вертер»...

До сих пор нельзя придумать, правильно или неправильно поступила актриса. Многие свыклись с новой властью и сжились с нею. Многие актерские и режиссерские имена продолжали фигурировать и в советском кино, выросшем из российского. Но многие так и не захотели свыкнуться. И если кому-то повезло, как, например, бывшему актеру МХАТа Григорию Хмаре (он в Европе продолжал сниматься и даже был не только партнером по фильмам, но и гражданским мужем Асты Нильсен), то для Веры Холодной время сделало некую петлю, в которую она попала, еще не осознавая этого.

Впрочем, может быть, никто и не собирался уезжать навечно, может быть, просто распорядилась так судьба. Взглянем внимательнее, что происходило с Верой Холодной в 1918 году до отъезда в Одессу.

1918 год. Хмурое утро. Сестры

В январе 1918-го создан Киноподотдел Внешкольного отдела Государственной комиссии по просвещению. Это был важнейший шаг, означающий начало «управления» кинематографом. Правда, новая структура пока еще не вела никакой определенной деятельности и не вызвала особого беспокойства у киностудий.

В это самое время у Харитоновна снимается фильм «Молчи, грусть, молчи...». Это была лента опять по романсу и, как говорит В. Вульф, самая знаменитая картина Веры Холодной. В отличие от фильма «У камина» эта картина сразу задумывалась как дилогия, и второй фильм назывался «Сказка любви дорогой». Ныне сохранилась только первая часть, из наших современников никто второй не видел.

В фильме снимались все знаменитости: Владимир Максимов, Осип Рунич, Витольд Полонский, Константин Хохлов и, конечно же, Вера Холодная! Изначально это была очень необычная работа – юбилейный фильм к 10-летию творческой деятельности П.И. Чардынина. Работали над ним весьма скрупулезно.

В отличие от прошлых времен эту мелодраму, имевшую безумный успех, не только хвалили, но и гневно клеймили: Киноподотдел заработал! Это были первые предвестники новых веяний, которые потом доведут многих актеров и режиссеров до тюрем и лагерей, а то и похуже. И если актеры могли еще обижаться на столь несправедливое «внимание» ангажированных властями критиков, то уж Харитонов-то наверняка понимал, что для него ничем хорошим это закончиться не может. Фильм обвиняли в буржуазности (самая, кстати, страшная характеристика!), пошлости и мещанстве.

Впрочем, зрителя эти нападки вовсе не трогали: он валом валил на киносеансы и уходил в полном восторге.

Московский кинокомитет, во многом основываясь на примере «Молчи, грусть, молчи...», вынес свой вердикт: отныне хозяевам студий рекомендуется ставить классику. Харитонов был не против. Он взялся за «Живой труп» Л.Н. Толстого. Вера Холодная сыграла роль цыганки Маши, да так сыграла, что и до сей поры этот фильм называют одной из лучших экранизаций русской классики в русском немом кино. В. Вульф говорит, что именно в этот момент Станиславский и пригласил Веру Холодную на роль Катерины в «Грозе» Островского. Это не вяжется с воспоминанием Софьи Холодной, которая говорит о том, что событие происходило всего через год или чуть больше после того, как Вера начала сниматься в кино, то есть все-таки, видимо, в 1916-м или максимум в 1917 году.

Но вот что пишет В. Вульф дальше:

«К середине 1918 года она стала не просто популярной актрисой, а настоящим явлением в русском кино. Ее жизнь стала объектом пристального интереса журналистов и публики. Харитонов решил снять фильм о самой Вере Холодной – «Тернистой славы путь». Но фильм шел с трудом: ничего особо примечательного в биографии Веры Холодной не было, а сочинять что-нибудь она решительно запрещаала. Сценарий даже согласовывали с Владимиром Холодным. Зрители фильмом были разочарованы: они ждали сенсаций, откровений, раскрытия тайн... Никто не хотел верить, что Вера Холодная действительно такая: верная жена, любящая мать, счастливая женщина. Ее хотели видеть иной – роскошной, загадочно-порочной, но доступной. Как в песнях Вертинского – ведь все знали, какие песни посвящены ей, а значит – написаны о ней. И лиловый негр в притонах Сан-Франциско был, конечно, гораздо интереснее скромного юриста и героя войны Владимира Холодного... Тем не менее фильм тоже пользовался успехом!

Ее фильмы были популярны в Европе и Америке, в Турции и Японии – ведь для него кино не важен язык. Ее приглашали сниматься в Голливуд и Берлин. Она отказывалась. Не хотела уезжать из родной страны. Хотела остаться в России.

И осталась.

Продолжала сниматься у Харитонова – в фильмах «Мещанская трагедия» и «Княжна Тараканова». Заканчивая этот фильм в июне поехали на натуру в Одессу. Оттуда Вера Холодная уже не вернулась.

Одесса тогда была оккупирована немцами – а вообще власть в городе менялась постоянно. Но съемки шли полным ходом: кроме «Княжны Таракановой», были отсняты еще несколько картин. Одесситы толпами ходили за Верой Холодной, торчали под окнами... Она приехала в Одессу вместе с матерью, сестрой Соней и старшей дочерью Женей. Позже к ним приехала и третья сестра – Надя».

Да, сестры съехались в Одессу. Так им было спокойнее. Как уже сказано, только Владимир Григорьевич и Нонна оставались в Москве.

У Черного моря...

Советская власть с усердием взялась за фильмы с участием Веры Холодной. Конечно же, все они были признаны «буржуазными» и смыты с целлулоидной основы. Из всего ее творчества осталось, да и то чудом, только пять лент. Ее биографы и киноведы поэтому не только не могут увидеть ее фильмов, но и точно не знают их числа. По разным оценкам, это от 50 до 80 фильмов. Вероятно, процесс уничтожения начался еще при жизни Веры Васильевны, недаром съемочная группа во главе с Харитоновым не очень-то спешила возвращаться в «красную» Москву.

Было бы наивно полагать и верить тем историкам кино, которые заявляют, будто Веру Холодную задерживали в Одессе обстоятельства. Да, конечно, съемочная группа жила в Одессе, ее самое главное дело жизни было под рукой. Да, творчество было выше, чем даже длительная разлука с мужем.

Вот что писали одесские газеты того времени: «Любопытное явление наблюдается на центральных улицах Одессы. За изящной молодой женщиной бегают подростки, озираются и оглядывают с ног до головы ее и взрослые... То идет «королева экрана» – Вера Холодная! Вера Холодная в ближайшем будущем выступит в театрах «Гротеск» и «Танго»».

Если бы Харитонов (вероятно, и Вера Холодная тоже) собирался возвращаться в Москву, он не стал бы заниматься в Одессе строительством студии. Эта киностудия была построена, причем в короткие сроки, на Французском бульваре. А пока не было помещения, съемки велись на натуре – на берегу Черного моря. Это был фильм «Азра, или Дочь рыбака» по переделанной под сценарий пьесе Габриэле Д'Аннунцио «Дочь Иорио».

Вторая половина 1918 года ознаменовалась оккупацией Одессы войсками Антанты – это были французские и английские военные моряки, а также сухопутные войска Англии, Франции и Греции. Но и при немцах, и при Антанте, и при белых, и при красных жизнь в городе не была стабильной: он был заполнен как настоящими дезертирами, так и дезертирами мнимыми – облавы отсеивали женщин и детей, а со всех мужчин брали мзду и отпускали до следующего раза. Это было лишь самое из нейтральных, бескровных предприятий любой власти. Несмотря на то что кинотеатры были самым опасным местом, где чаще всего и проводились облавы, кинозалы не пустовали: зрители шли и шли на фильмы в основном с участием Веры Холодной.

Павильон был построен, и Харитонов продолжал работу над фильмами. Снимал П.И. Чардынин. После «Азры» продолжилась и была завершена съемка «Княжны Таракановой», «Цыганки Азы», а о последних фильмах актрисы мы знаем лишь по воспоминаниям Софьи Холодной. Это «Дама с камелиями», «Мисс Кетти», «В тисках любви» и «Песнь Персии». Ни один из них до нас не дошел.

Впрочем, часть фильмов вообще не вышла на экраны по простой причине: отсутствовала позитивная пленка, на которой записывались копии. Сохранившиеся негативы позже Харитонов увез с собою за границу, когда после захвата города Красной армией эмигрировал.

В ноябре 1918 года Вера Холодная болела: нарыв в горле. Едва оправившись, она вернулась к благотворительной деятельности, участвовала в концертах, сборы от которых шли в пользу Одесского отдела Всероссийского союза увечных воинов, безработных артистов Одесского городского театра, на оказание первой помощи военнопленным, прибывающим в Одессу, в пользу семей павших воинов, безработных москвичей, находившихся в Одессе, и, наконец, восьмого февраля, последний раз в своей жизни, в благотворительном концерте в пользу фонда профессионального Союза театральных художников города Одессы, состоявшемся в театральном зале литературно-артистического общества (ныне Театр музыкальной комедии).

Зимой Женя заболела скарлатиной. Пришлось поселиться на частной квартире, где можно было ухаживать за девочкой. Правда, в гостинице было дешевле, и после болезни

ребенка Вера Холодная опять поселилась в гостинице. Но, если пользоваться избитой метафорой, она впервые соответствовала своей фамилии: в номере, как утверждают многие биографы, температура воздуха достигла минус девяти градусов!

В. Вульф пишет:

«Восьмого февраля 1919 года Вера Холодная выступала на концерте в пользу фонда профессионального Союза театральных художников города Одессы. В театре было холодно, зрители сидели в шубах, а актеры выходили в открытых платьях... Еще до начала концерта ее начал бить озноб. После концерта она слегла. Врач поставил диагноз – «испанка», особая форма гриппа. В 1918 году в Европе от этой болезни умерло, по разным данным, от трех до шести миллионов человек. У Веры Холодной она осложнилась воспалением легких. Ее лечили лучшие врачи Одессы. Она проболела восемь дней. Последние четыре дня и четыре ночи под окнами стояла огромная толпа. К Вере никого не пускали.

16 (3) февраля 1919 года она умерла».

Сказано скупое – для короткой телевизионной передачи. Но есть и кое-какие подробности о последних днях Веры Холодной.

На другой же день ее перевезли на квартиру, где жила мать и оставались Женя и сестры. Сюда приходили лучшие врачи Одессы – Зильберберг, Тальпин, Бурда, Коровицкий, Уськов. Однако все было напрасно: ей уже ничто не могло помочь. Она болела всего 8 дней. 16 февраля было воскресенье.

Она чувствовала, что смерть близко, попросила позвать Женю. Сказала слова, которые трудно было бы ждать от нее как мелодраматической героини. Здесь хоть и слышан упрек, но сквозь мрачный юмор проглядывает стойкий и непреклонный характер:

– Твоя мама умирает, а ты прыгаешь... И танцуешь...

Женя удивилась: голос у мамы был необычным. Она сказала:

– Мамочка, я больше не буду.

Вера попросила ее стать на колени, погладила и поцеловала в голову, наказала слушаться папу и бабушку.

Ее причастили и соборовали. Вера с миром отошла.

О ее кончине в тот же вечер было объявлено во всех театрах Одессы. Все спектакли были отменены.

Мы уже приводили слова В. Вульфа о том, что зал театра не отапливался, публика сидела одетая, а актерам и актрисам приходилось раздеваться, в результате чего Вера Холодная смертельно заболела. Однако Г. Млинарис вспоминает, что она плохо чувствовала себя еще перед выходом на сцену и даже попросила, чтобы ее выпустили пораньше, чтобы покинуть потом здание театра.

Есть подробности и о болезни дочери Жени. Оказывается, актриса была в то время на гастролях в Екатеринославе и, получив телеграмму о Жениной скарлатине, отменила гастроли и примчалась в Одессу. Эти подробности донесла до нас Софья, которая в качестве балерины гастролировала вместе с сестрой.

Тело актрисы было забальзамировано. Все надеялись, что в конце концов ее похоронят в Москве. После бальзамирования кожа актрисы потемнела, и пришлось накладывать толстый слой грима. Однако многие из тех, кто присутствовал на отпевании, а оно состоялось при стечении громадных толп народа, заметили, что что-то произошло с лицом их любимицы. Возникла версия о том, что Веру Холодную отравили. Этот слух держался очень долго и даже дожил до наших дней.

Хроника сняла фильм «Похороны Веры Холодной». Уже через три дня его демонстрировали на всех доступных экранах той части России, что была отделена от Москвы фронтами. Потом, в марте, он шел уже и по всей стране.

Веру похоронили в цинковом гробу – его поставили в склепе-часовне, и этот склеп продержался до того момента, пока на месте Первого христианского кладбища, где он находился, власти не решили разбить парк. По просьбе родственников и общественности гроб с телом Веры Холодной отправили в Москву. Это был 1931 год.

Однако до Москвы прах Веры Холодной так и не доехал. Поэтому нигде нет ее официальной могилы. Кто позаботился об этом, до сих пор остается неизвестным.

По поводу смерти и похорон Веры Холодной слухи не утихали и до и после 1931 года. Например, говорили, что был ограблен склеп, а тело актрисы украдено, и что потом было найдено тело, но только обезглавленное... Были слухи и еще более нелепые. Кстати, примерно то, что говорилось о теле Веры Холодной, потом наяву происходило с прахом Чарли Чаплина, который на самом деле похищали... Фильм «Покаяние», снятый Тенгизом Абуладзе, где нечто подобное происходит с прахом диктатора, не только выдумка, но и отражение реальных событий, которые или с кем-то произошли, или не произошли, но вполне могли произойти.

Вот отзыв прессы по поводу похорон Веры Холодной:

«Сегодня хоронят Веру Холодную. Нет, кажется, злее насмешки, чем та, которой посмеялась судьба над этой обворожительной любимицей счастья... Вера Холодная была воплощенная грация... Картины с ее участием сияли всеми цветами таланта, радости, какой-то неземной лучезарности... Сколько в ее улыбке было грации, теплоты, чего-то хорошего, проникающего в самую глубь сердца... Вот появилась на экране Вера Холодная, улыбнулась, сверкнула своими большими, серыми, очаровательными глазами, и ожило, затрепетало сердце, стало легче дышать, все стало теплее, уютнее, пошли прочь все заботы и горе... Недаром масса так любила Веру Холодную, недаром иллюзионы с ее участием на картинах ломались от тысяч зрителей – Вера Холодная давала толпе тихую радость, блаженство мечты, отблески мимолетного счастья... И вот судьба забросила ее к нам в Одессу. Молодая, пылкая, она безумно растрачивала свои силы, участвуя в концертах и балах в пользу нуждающихся. И смерть, уловив момент, вонзила свое ядовитое жало. Жаль всякой безвременно угасшей жизни. Но особенно жаль эту артистку...»

Перед ее гробом читали стихи и падали в обмороки. Паломничество к склепу еще долго было массовым: народ не хотел забывать ту, что была первой...

Ольга Чехова: русская звезда на немецком небосводе

Анкетные данные

Имя: Ольга Константиновна Книппер (в замужестве и после – Чехова)

Дата рождения: 26 (13) апреля 1897 г. (умерла 9 марта 1980 г.)

Место рождения: г. Тифлис (ныне Тбилиси)

Звезда театра и кино Ольга Чехова, имя которой в течение почти 60 лет гремело в Европе, лишь в последние годы стала известной в своем отечестве, и то не из-за своих киноработ, которых множество, и не потому, что была короткое время замужем за Михаилом Александровичем Чеховым, гениальным племянником великого Антона Павловича, а сама Ольга – племянница Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой (такое вот «сложное» родство). Ее известность у современного читателя и телезрителя (телерассказы все того же профессора Виталия Вульфа) объясняется больше то ли легендой, то ли правдой, будто актриса всю жизнь (или значительную часть жизни) была самым засекреченным агентом НКВД и внесла неоценимый вклад в итог великого противостояния коммунизма и фашизма.

Стараться развенчать миф о причастности Ольги Чеховой к СВР (Службе внешней разведки) – занятие столь же тщетное, как и стремиться доказать это героическое для нас и позорное для верхушки Третьего рейха обстоятельство: никаких документов, которые напрямую указывали бы на сам факт сотрудничества Ольги Константиновны с НКВД, конечно, нет. Нет воспоминаний на эту тему и самих очевидцев (если таковые вообще существовали). Есть невнятное указание на Ольгу Чехову в воспоминаниях генерала КГБ Павла Судоплатова, но опять же, как показал исследователь и биограф Ольги Чеховой Марк Кушнинервич, сказано это так неубедительно, так невнятно, что утверждать наверняка ничего нельзя.

Нам интересна судьба актрисы, за много лет верно и праведно служившей театру и кинематографу, а от нацистов навечно получившей звание «государственной актрисы Третьего рейха». Это вовсе не значило и не значит, будто Ольга Чехова разделяла идеологию фашизма, но говорит только об одном – всенародной любви к ней. Она подтверждала и свое звание, и эту любовь многочисленными выступлениями перед солдатами и офицерами, как сказали бы у нас, во «фронтовых бригадах». Да-да, немецкие (и не только) артисты тоже ездили по фронтам и поднимали боевой дух своих бойцов. Обвинять за это Ольгу Чехову бессмысленно. Даже если Ольга Константиновна была советской разведчицей, вернее, как раз поэтому в первую очередь она не могла стать в позу и «проколотся». А если не была ни сверхагентом, ни даже сочувствующей своей первой (или второй: она все же немка) родине, то какой с нее спрос? Тем более что всем известно, что, эмигрировавшая еще в 1921 году, задолго до прихода Гитлера к власти, она не любила советскую власть. Война – это вообще с общечеловеческой точки зрения мерзость, а в то время гибли миллионы соотечественников Ольги Чеховой как с российской, так и с германской стороны.

Общие рассуждения на эту тему можно продолжать до бесконечности, а потому обратимся к биографии актрисы и к тем фактам ее судьбы, которые нам известны доподлинно. Начнем с любви и верности, поскольку детство Ольги для легенды о ней, вероятно, не имеет особой ценности, ибо оно уже было, если верить ей самой, полно любовью к Михаилу Чехову.

Любовь и верность

Обратимся к сведениям, данным самой Ольгой Константиновной, и если что-то в них не так, то пусть это останется на ее совести. Но прежде – о происхождении актрисы.

Константин Книппер, брат Леонарда, имел троих детей – Аду, Ольгу и Льва. Ада Константиновна потом почти всю жизнь будет жить в Германии, при Ольге. Лев Книппер станет известен тем, что сочинит песню, которую мы любим и знаем до сих пор: «Полюшко-поле».

Отец Ольги был инженером-путейцем. Рождение (в Тифлисе) Ольги застало его на Кавказе, где он занимался строительством Закавказской железной дороги. Позже Константин Книппер станет большим чином – министром путей сообщения, семья переедет в Царское Село, откуда и отправят Ольгу к любимой тетке Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой в Москву – чтобы жила под присмотром. Вероятно, государственные занятия мешали Книпперам в воспитании средней дочери, и внимание тетки должно было компенсировать недостаток внимания родителей.

Но, едва Ольга появилась в Москве, в нее влюбились два брата Чеховых – Михаил и Иван. По другим сведениям, не Иван влюбился в хорошенькую молодую родственницу Ольги Леонардовны, а двоюродный брат Владимир Чехов. Это бесспорно, потому что Владимир, устав горевать и донимать Ольгу даже после того, как она вышла за Михаила замуж, причем изрядно надоев ей своими признаниями, покончил с собой, доказав тем самым серьезность своего рокового влечения. Правда, его неуравновешенная психика и сама по себе давно бросалась в глаза. Чего уж греха таить, скоро Ольга убедилась, что и у Михаила с этим не все в порядке... Но пока все было безоблачно и романтично. Тем более что Ольга чуть ли не с раннего детства была влюблена в Михаила, еще живя в Петербурге. Приведем текст из ее книги воспоминаний или, лучше, книги жизни, которую она издала в 1970-м, когда ей было 73 года, – книга называется «Мои часы идут иначе». Верить этим воспоминаниям не обязательно, но все-таки... Вот ее слова: «...Меня всегда глубоко ранило, когда я замечала, что я для него просто маленькая девочка... Михаил Чехов для меня красивее и пленительнее всех актеров и даже всех мужчин. Я схожу по нему с ума и рисую себе в своих ежедневных и еженощных грезах, какое это было бы счастье – всегда-всегда быть с ним вместе...»

Я сказал, что можно не верить этим словам, потому что Ольга Чехова в своих воспоминаниях нафантазировала много. Например, то, что она до своего отъезда играла во МХАТе в «Вишневом саде», «Трех сестрах», «Гамлете»... Ничего этого, говорит В. Вульф, в ее биографии не было. Можно не доверять советской кинокритике, оценивавшей фильмы (по крайней мере мелодрамы) с участием Ольги Чеховой как не представляющие большого художественного интереса, но и заинтересованные в обратном современники Ольги не могли не оставить свидетельств о том, что актриса была, мягко говоря, не талантлива... Представьте себе истинный уровень ее дарования, если родная тетка Книппер-Чехова не замечает каких-либо выдающихся способностей племянницы, а Михаил после развода, несмотря на переживания, все же очень всерьез беспокоится за то, как бы Ольга не скомпрометировала на сцене его фамилию!.. На голом месте такое беспокойство не могло бы возникнуть. Конечно, однажды может наступить нечто вроде озарения, но все же... Отметим: советская критика оценивала уже зрелые работы Ольги Чеховой, а не первые ее театральные или кинематографические шаги.

История их любви и брака зафиксирована одной из заинтересованных сторон – Михаилом Чеховым – в его воспоминаниях. Никто и никогда не высказывал сомнений в их подлинной основе, так что приведем лучше его собственное свидетельство о том, что произошло и происходило. Надо сказать, что события были весьма близки к духу Серебряного века, а тоже – к декадентству, которое застал еще Антон Павлович. Вот несколько высказываний племянника (делайте скидку на склонность к иронии автора строк):

«Если ты действительно ставишь жизнь ни во что, – сказал я себе, – соверши сознательно неразумный поступок, который отразился бы на всей твоей жизни. Я стал думать. Неплохо было бы жениться: и неразумно, и обременительно. Мысль эта понравилась мне. Но на ком жениться? У О.Л. Книппер-Чеховой гостили две ее племянницы, и я решил жениться на одной из них. Не надеясь получить согласие ее родителей на брак, я задумал похищение и однажды ранним утром в далекой загородной церкви, подкупив священника, обвенчался без документов и формальностей. Свою молодую красавицу жену я скоро горячо полюбил и привязался к ней. Со свойственным ей чутьем она угадывала, в какой душевной неправде я жил, старалась помочь мне, но все же тоска и одиночество не оставляли меня. В моем письменном столе лежал заряженный браунинг, и я с трудом боролся с соблазнительным желанием».

Прямо-таки юнкер Шмидт! Причем это вовсе не преувеличение, «Козьма Прутков» здесь ни при чем: в те времена такие «соблазнительные желания» исполнялись очень даже часто.

Но в данном случае, к счастью, ничего страшного не произошло (кроме самого факта брака, естественно). Михаил не только влюблен, но горд своей любовью:

«Да-с! Я действительно женат. Жена моя красавица! Ведь везет же таким субъектам, как я! Матери моей, конечно, кажется, что я сделал подходящую партию, но тебе, Вава, скажу по секрету, что жена моя – не по носу табак (извини за грубость). Да, я думаю, нелегко тебе представить меня рядом с красавицей женой, семнадцатилетней изумительной женкой. Дуракам счастье».

Конечно, любовь была взаимной, Ольга и Михаил тянулись друг к другу. Однако следует учесть, что в момент женитьбы ему было уже 24 года, а ей-то всего лишь 17! Уже довольно известный, а главное – великолепный! – актер, то есть человек, уже обладающий профессией, Михаил женился на девочке, отвечать за решение которой, конечно же, должны были родители или по меньшей мере тетка, которой они ее доверили. Нет ничего удивительного в реакции Ольги Леонардовны на известие о скоропалительном браке «детей». Вот как представляет это в воспоминаниях Михаил Александрович:

«Положение Ольги Леонардовны действительно выглядело очень неловким: родители доверили ей дочь, а она не усмотрела. Кроме того, отец Оли занимал довольно важный пост в Петрограде, а Миша тогда был всего лишь маленьким актером «на выходах».

Он кокетничает. На самом деле Станиславский произнес уже свое знаменитое: «Гений!» – и Михаил Чехов работал на сцене вовсе не «на выходах». Однако в представлении родственников Ольги Книппер такое вполне было возможно. И вот что дальше:

«Я, Маша, женился на Оле, никому предварительно не сказав. Когда мы с Олей шли на это, то были готовы к разного рода неприятным последствиям, но того, что произошло, мы все-таки не ждали. Всех подробностей дела не опишешь, и я ограничусь пока главными событиями. Итак, женились. В вечер свадьбы, узнав о происшедшем, приехала ко мне Ольга Леонардовна и с истерикой и обмороками на лестнице, перед дверью моей квартиры, требовала, чтобы Оля сейчас же вернулась к ней. Затем приезжал от нее Сулер с просьбой отпустить Олю к Ольге Леонардовне на короткий срок поговорить. Взяв с Сулера слово, что он привезет мне Олю назад, я отпустил. Спустя час Оля вернулась, и Сулер стал настаивать, чтобы я отпустил Олю до приезда Луизы Юльевны, Олиной матери, жить к Ольге Леонардовне. Оля отказалась исполнить это.

Ольга Леонардовна звонила по телефону, и наконец в 4 часа ночи приезжает Владимир Леонардович и просит ради Ольги Леонардовны вернуться Олю домой. Я предоставил решить это самой Оле, и та, наконец, решила поехать к тетке, чтобы успокоить ее. Теперь я решил отпустить Олю с ее матерью в Петербург, чтобы там приготовить отца и объявить ему о случившемся. Вот в общих чертах главнейшие моменты истории».

История действительно неординарная, хотя, между нами говоря, возможно, она возникла на голом месте: не будь Ольга столь молодой и столь неосмотрительно решительным Михаил,

возможно, состоялось бы приличествующее событию торжество, основанное на всех тех процедурах, что должны происходить между роднящимися семьями, со свадьбой, каретами, кольцами и прочей атрибутикой, – ну если не так, то хотя бы приблизительно так.

Надо отдать должное родителям Ольги: они, поговорив с Михаилом и обговорив будущее, когда он приехал в Петроград и долго с Ольгой жил у них, не только хорошо приняли его, но и не имели вовсе ничего против этого брака. Так, ко всеобщей радости, закончился инцидент, которого могло бы не быть. А ведь Михаил хотел еще и похитить Ольгу, как в романах! Хотя примерно так и произошло.

Брак Ольги и Михаила состоялся 3 сентября 1914 года (тайное венчание в церкви в 10 верстах от Москвы). Первое время все шло прекрасно. Однако Ольга даже в эти первые недели не могла не заметить: ее муж очень часто и очень много пьет. Дальше – хуже. Кроме того, Михаил обладал не просто импульсивным, а взрывным характером: он загорался мгновенно!

Ольга, несмотря на молодость, задумалась над судьбою – правда, пока не столько своей, сколько любимого человека. Ведь его отец очень плохо кончил – умер от алкоголизма. Александр Павлович страдал запоями, но ведь и Миша находится почти в вечном запое. А его странные поступки, безумные вспышки гнева...

У Михаила Александровича была и еще одна плохая черта: отчего-то он совершенно не заботился о чувствах молодой жены. Он приводил всевозможных своих поклонниц прямо домой и не стеснялся с ними заигрывать.

Ольга была беременна. Правда, это случилось не на первом и не втором году жизни, но поведение мужа стало резко ухудшаться именно в период беременности.

Ольга не знала, что делать: муж ее не любит! И она решила, что ребенок ей не нужен. Она пила какую-то гадость, чтобы вытравить плод, она прыгала с большой высоты, чтобы произошел выкидыш... Но чему быть, того не миновать. В положенный срок родилась девочка – здоровый и нормальный ребенок. Назвали ее Ольгой.

Кто больше радовался, неизвестно, но вот слова Ольги Леонардовны, которые записаны ею в августе, сразу после родов: «Наконец-то наши дети разродились. Ах, как мучительно было ждать и так близко ощущать, как Оля страдала. Часов 15 она кричала, выбилась из сил, сердце ослабело – тогда наложили щипцы и вытянули 10-фунтовую здоровую девочку. Мы уже решили, что губы Олины, нос Мишин, а раскрывающийся левый глазок в меня. Миша с любопытством рассматривает незнакомку и говорит, что пока никакого чувства не рождается – конечно, пока».

Это произошло в 1916 году. А в 1917-м супруги Чеховы уже развелись. Правда, не раз Михаил стоял перед Ольгой на коленях и вымаливал прощения. Не раз она его прощала, а он опять не унимался – и с пьянством, и с женщинами.

А вот пример его неадекватного поведения, даже не связанный с пьянством: «У Миши аппендицит – надо делать операцию. Гланды тоже...» Как видите, эгоизм отца настолько силен, что не может простить Ольге даже занятий его же собственным ребенком. (Случай нередкий, который потом повторится и в семейной жизни Лив Ульман и Ингмара Бергмана: муж становится сам подобным ребенком и готов убить свое же детище только за то, что теперь не ему одному посвящена жизнь супруги. Вероятно, такого рода патология присуща только человеческим индивидам и нигде в животном мире не встречается. – *Примеч. авт.*)

Не из-за этой конкретной проблемы, но ребенка отдали няньке. Ольга Леонардовна пишет, успокаиваясь: «Нянит ее m-me Лулу, куда отдали ребенка, так как Оля очень слаба, кормить не может, раздражена, да и Миша, по-моему, так ревновал Олю к девочке, что лучше, что она там».

Когда Михаил обнаружил, что Ольга собирается с ним разводиться, он не мог поверить своим ушам: как – это с ним-то?.. Да, Михаил Чехов велик для всех нас, он основатель своего

театра и своей, чеховской школы. Да, это светоч, идол Голливуда. Но для Ольги Чеховой это был в первую очередь просто неверный муж, да еще со специфическими психологическими и психическими проблемами.

Вот еще один комментарий Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, который, возможно, проливает некоторый свет на историю поведения Михаила Чехова: «Миша Чехов разошелся со своей женой, это не так неожиданно, конечно, как может показаться на первый взгляд, но тем не менее удивительно. Дело в том, что Миша очень любил Ольгу Константиновну и она его. Вероятно, и тут сыграла некрасивую роль Мишкина мать – эгоистичная, присосавшаяся со своей деспотической любовью к сыну, Наталья Александровна. Бедный Миша, вся жизнь его последних лет протекала в каком-то кошмаре. Накуренные, не проветренные комнаты, сидение до двух-трех часов ночи (а то и до 9 часов утра) за картами. Какая-то сумасшедшая нежность старухи и молодого человека, ставшего стариком и пессимистом».

Замужество номер два и побег

Она вышла замуж второй раз. Это был бывший австрийский офицер, он же военнопленный, судя по фамилии – венгр: Фридрих Яроши. О нем мало что известно. Многие даже считают, что Яроши Ольга встретила уже за границей. Ничего подобного, они встретились с ним в России, в Москве, он был даже вхож к ним в дом. Чрезвычайно обаятельный авантюрист, он кого угодно мог расположить к себе. Вероятно, то же произошло и с Ольгой.

Качества Фридриха Михаил прекрасно знал и видел, как сильно его воздействие на Ольгу. Больше того: Михаил и сам попал под воздействие этого человека. Только в отсутствие Фридриха наступало просветление и он мог судить о себе и окружающих трезво. Именно в такие минуты Михаил, уже знавший, что Ольга разведется с ним, все же старался внушить ей, чтобы с Яроши она не связывалась. Подтверждением тому может служить отрывок из воспоминаний Михаила Чехова, который цитируется многими биографами:

«Два обстоятельства ухудшили мое положение за этот год. После четырехлетнего замужества жена моя Ольга ушла от меня с человеком, о котором я хочу сказать несколько слов. Это был авантюрист того типа, о котором мне так много и занимательно рассказывал мой отец. Изящный, красивый, обаятельный и талантливый, человек этот обладал большой внутренней силой, неотразимо влиявшей на людей. Он безошибочно достигал всех своих целей, но цели эти всегда были темны и аморальны. Он выдавал себя за писателя и часто увлекательно излагал нам темы своих будущих рассказов.

Одна из первых же тем, рассказанная им, была мне давно известна. Он рассказал мне, что силы своей над людьми он достигает путем ненависти, которую он может вызвать в себе по желанию. Однажды я просил его продемонстрировать мне свою силу. Под его влиянием я должен был выполнить определенное действие. С полминуты он сидел неподвижно, опустив глаза. Я видел, как лицо, шея и уши его краснели, наливаясь кровью. Наконец он взглянул на меня. Выражение его глаз было отвратительно! Под его взглядом, полным ненависти, я выполнил то, что он хотел. Эксперимент этот доставил мне мало удовольствия – я предпочел бы не видеть его искаженного злобой лица. Прошло еще полминуты, и его лицо приняло обычное веселое выражение и стало обаятельным, как всегда.

Когда на улицах Москвы еще шли бои, когда через несколько домов от нас артиллерия расстреливала здание, в котором засели юнкера, когда свист пуль слышался, не переставая, днем и ночью и стекла в окнах были выбиты и заложены изнутри подушками, авантюрист, о котором я говорю, свободно ходил по улицам, ежедневно посещая нас, был весел и очарователен, как всегда. Смеясь, он говорил, что его не могут убить.

– Если ты умеешь презирать жизнь до конца, – говорил он, – она вне опасности.

Под его влиянием Ольга ушла от меня. Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала:

– Какой ты некрасивый. Ну, прощай. Скоро забудешь. – И, поцеловав меня дружески, ушла».

Именно за этого человека Ольга вышла замуж. А в 1921 году вместе с ним покинула страну.

В 1918–1921 годах она жила и работала в Москве. Именно этими годами датируются ею приписываемые самой себе громкие роли в громких спектаклях МХАТа. Но ничего этого не было. Хотя, конечно, она сама знала свой актерский уровень. По крайней мере тех лет. Но она всегда ссылалась на то, что, хотя у нее и не было никакой актерской школы, долгая и плодотворная жизнь с Михаилом научила ее, бывшую жену, именно его, Мишиной школе. Потому и удивительными были потом для него успехи Ольги в Германии. Фильмы до нас не доходили: уже одно то, что в ленте участвовала русская эмигрантка, делало все эти картины запретными

для советских зрителей, даже для специалистов. Еще не пришло время, когда, даже под гнетом цензуры, распространявшейся на все общество, Литературный институт все же читал Владимира Набокова: это было просто необходимо, иначе бы молодые писатели отстали безнадежно от литературного процесса. Прорывались через кордон и стихи Северянина, написанные в эмиграции, и, как вы помните, проза и стихи Бунина. Ни одной же картины с участием Ольги Чеховой не видели даже те, кому это было по профессии положено. Позже, перед перестройкой и в самую перестройку, критики все же кое-что смогли увидеть и оценить. Как они оценивали, вы уже знаете.

Есть некоторое объяснение тому, что фильмы даже с участием плохих актеров могут быть качественными: важно, какому режиссеру достается данный плохой актер. По крайней мере из множества дублей можно отобрать тот, который смотрится вполне профессионально. Да и задачи каждого фильма очень индивидуальны – в зависимости от замысла режиссера. Так что с кинематографом Ольга Чехова могла обмануть целую нацию и всю Европу. Нет лишь объяснения тому, как ей удавалось множество лет быть ведущей театральной актрисой Германии. Или и впрямь на нее снизошло в Берлине озарение?

(Примерно то же происходило в последние десятилетия с некоторыми поэтами, уехавшими на историческую родину из СССР в Израиль. Многим Земля обетованная открыла новый поэтический голос. Правда, с другими происходило все с точностью до наоборот: большой по размаху поэт, подававший в Москве или Киеве большие надежды, в Израиле стал писать рифмованные строчки, годные лишь для семейного альбома. Причем ни те, ни другие в себе разительных перемен не замечали. – *Примеч. авт.*).

Не могла же Ольга Книппер, по мужу Чехова, зажечься невидимой искрой просто по той причине, что вернулась на свою историческую родину?

Надо сказать, что ей было там очень трудно, ведь Ольга не знала немецкого языка. Она его быстро выучила – жизнь заставила, – но не смогла избавиться от явного, позднее менее заметного, но все же присущего ей русского акцента.

Вернемся к моменту отъезда. Ничего особенного не достигнув за три-четыре года, что она провела без Михаила в Москве, Ольга Константиновна, в том числе и под влиянием Яроши, решает уехать за границу. Перед нею был пример Качалова, уехавшего вместе с белогвардейцами. Были и многие другие примеры: люди искусства не в единичном порядке, а рядами и колоннами исчезали за кордоном.

Ольга была и сама под стать Фридриху Яроши – такое же средоточие авантюризма, как и он, но в то же время не меньшее зерно здорового оптимизма. Она находит пути (помогает ей в этом Ольга Леонардовна) и подходы к Луначарскому, получает у него разрешение и официально выезжает за границу – на полтора месяца. Она, дочь Ольга и муж Фридрих отбывают в Германию. Но здесь Ольга Чехова никого поначалу не обманывала – она действительно уезжала на короткое время, которое растянулось на 59 лет. Обстоятельства оказались сильнее – Ольга остается за границей навсегда.

Театр и кино

В Берлине она получает роли в маленьких театриках, которых было в столице множество. Ольга проявляет одно из своих свойств, которое станет помогать ей всегда: это умение очаровывать людей. После дебюта на заштатных сценах она активно знакомится с кинорежиссерами и наконец проникает в кинематограф. Там все проще: кинематограф в начале 1920-х еще не знает звука, и потому языковой барьер здесь, как и в музыке, отсутствует. Пока кино освоит звук и услышит Ольгин акцент, пройдет 9–10 лет, а за это время она не только успеет закрепиться на экранах Германии, но и стать кинозвездой. Марлен Дитрих, которую потом назовут первой конкуренткой Ольги Чеховой, на самом деле таковою не являлась: она покинула Германию, еще не став звездой, а ее звездная история в Голливуде никак не затрагивает звездной истории Ольги Чеховой.

Пока что Ольга успешно снимается то в одном фильме, то в другом... Критики не устают повторять и сейчас: она просто была красива, ничего особенного ни в одной из своих киноролей актриса не сделала – просто была самой собой, подкупая зрителя внешностью, аристократизмом и... естественностью. Если этот так, то, значит, в Ольге Чеховой и впрямь проснулись дремавшие дотоле таланты. В 1923 году, то есть всего через два года после приезда в Германию, Ольга уже завоевывает популярность у зрителя, и тут наступает момент, который в литературе, в том числе и сценарной, именуется словом «вдруг». Это «вдруг» приходит и к Ольге: ею заинтересовывается великий немецкий режиссер Макс Рейнхардт. Одновременно это и владелец сети театров. Именно в этих-то театрах она и получает роли и играет в спектаклях, которые ставит Макс. А это были лучшие театральные спектакли Германии.

Первый фильм Ольги Константиновны назывался «Замок Фогельод». В 1923 году она снялась в ленте «Нора» по пьесе Ибсена – и маховик закрутился: она стала сниматься в шести-семи фильмах в год. За всю свою кинематографическую карьеру она снялась более чем в сотне фильмов. Это были аристократки, это были авантюристки всех мастей. Точного числа кинолент, в которых снялась Ольга Чехова, не назовет, пожалуй, никто. Примерно 130–180 картин. Виталий Вульф, который называет почти среднее арифметическое между этими крайними значениями, вероятно, недалек от истины: 145 фильмов.

Уже в марте 1924 года она писала Ольге Леонардовне в Москву: «Вчера совершилось мое крещение! Вперед появились плакаты с моим именем, потом заметки в газетах. Я впервые играла в драме... Я только помню, никак не могла понять, что я этим прыжком на сцену стану артисткой. Ведь я, кроме занятий с Мишей, никакой школы не имею. Разве только влияние его и студии, где мы дни и ночи проводили».

Через несколько дней она докладывала тете: «Эти дни вышли все критики обо мне. У меня самый большой настоящий успех. Театр вечно полон. Мне самой так смешно. Я здесь стала известна. Люди из-за меня идут в театр, в меня верят... Я в руках очень хорошего режиссера, так что ты не бойся. Ни немецкой школы, ни пафоса мне не перенять. Я каждый вечер играю с такой радостью, с таким волнением, плачу, вся моя жизнь сконцентрирована на сцене». (Письма Ольги Чеховой и ее сестры Ады Книппер к Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой хранятся в Музее МХАТа.)

В пьесе Осипа Дымова «Бабые лето» Чехова играла уже главную роль. К ней пришел успех, но она была слишком умна, чтобы не понимать, что это только начало. В тот ее первый успешный сезон 1924 года у нее был ангажемент до середины июля. Она играла по-немецки русские пьесы: «Мизерере» Юшкевича и «Бабые лето». Приглашение в Мюнхен и Вену не приняла, потому что твердо решила серьезно работать. («Я работаю с энергией ста лошадей. Другая жизнь».) С фильмами успела съездить в Рим и Флоренцию и в 1925 году уже снялась в семи лентах. Предложений в кино было гораздо больше, чем в театре. «Пылающая граница»,

«Крест на болоте», «Мельница под Сан-Суси», «Город соблазнов» – имя Ольги Чеховой стало очень известным.

Наступил 1928 год, и в Германии появляется Михаил Александрович Чехов. В СССР его «достала» чекистская цензура. Вспомним, что Михаил Чехов – руководитель МХАТ-2, который естественным образом отпал от Художественного театра, не переставая быть его детищем. Руководство театром в условиях постоянного и страшного давления (не только цензуры: сам я в роли директора театра не выдержал и полутора лет, хотя в 1995–1996 годах партийного давления уже не было – только чиновничье) оказалось Михаилу Александровичу не по силам – он не вынес этого. Однако Чехов был известен только в России (СССР), а в Германии, да еще без языка, его театральный гений мало кому был нужен. И Ольга взялась рьяно помогать бывшему мужу. Кстати, с Яроши она рассталась практически сразу же, как только ступила на немецкую землю.

Итак, без посторонней поддержки Михаил Чехов не сделал бы и шага, и Ольга оказала ему эту поддержку. В 1928 году она уже твердо стоит на ногах. Она не только добивается, чтобы Михаил сыграл вместе с ней в фильме «Паяц собственной любви», но и сама ставит этот фильм как режиссер. Вскоре Михаил Чехов получает ангажемент у Рейнхардта.

Но Чехов рад был совсем другому: он наконец встретился с дочерью! Олечке уже 12 лет, и она очень на него похожа. Ольга Константиновна и сама с ужасом вспоминает то время, когда мечтала избавиться от ребенка... В общем, возникает нечто, напоминающее семейную идиллию, однако вовсе не семью, потому что возврата к прошлому нет и быть не может. Да и у Михаила новая семья, ведь он приехал в Германию не один.

Ольга принимает в нем участие всеобъемлющее. Даже трехкомнатную квартиру она сняла для него недалеко от своего дома. Михаил называет дочь Оленькой, а она уже давно привыкла звать ее Адой. Ольга сама никак не может выбрать: оба имени – это их книпперовская семейная традиция, но Ольгой называют все-таки среднюю дочь, а старшая – Ада. Так Ольга-старшая и жила с двумя именами.

Жизнь Михаила Чехова потом окончательно разойдется с жизнью Ольги. Сначала он займется педагогической деятельностью, потом уедет из Германии в Англию. Актерская школа Михаила Чехова пустит корни сначала в Англии, а потом и Голливуде. Запад до сих пор придерживается именно этой школы, которая перевернула в XX веке все европейские представления об актерской игре. Грегори Пек, Юл Бриннер – непосредственные ученики Михаила Александровича. Но не только они – их сотни. Значительно позже Мэрилин Монро подпишет для Чехова свое фото таким образом: «Учась в школе, я обожала Линкольна. Теперь обожаю Вас».

«Звуковой барьер», оказавшийся непреодолимым для многих и многих актеров Великого немого, Ольга Чехова прошла практически незаметно и для себя, и для публики. В начале 1930-х годов она снимается в легких, веселых костюмных фильмах со звуком – «Маскарад», «Пер Гюнт», «Ночь решений», «Фаворит императрицы», «Опасная весна», «Красивые орхидеи». Картины идут с неизменным успехом: немцы будто только и ждали этого фейерверка легкого завораживающего кино.

В 1933 году приходят к власти национал-социалисты. Если Марлен Дитрих и сотни других деятелей искусства и литературы уезжают из Германии, а другими словами – эмигрируют, то Ольга Чехова продолжает жить и работать, словно ничего особенного не произошло. Правда, она все же выезжает ненадолго в Голливуд и немного снимается там, но это было, во-первых, до Гитлера, а во-вторых, Америка ей не понравилась своей скарденностью и неизбывной тоской, которой не бывало ни в России, ни в Германии. Она остается. И остается успешной актрисой. Более того: любимицей правящей верхушки.

В биографической статье Светланы Макаренко об Ольге Чеховой имеются некоторые подробности из личной жизни актрисы тех непростых лет:

«В 1937 году Чехова попробовала очутиться в тихой гавани законного брака и вышла замуж за бельгийского красавца миллионера Марселя Робинса. Но когда выяснилось, что тот патологически скуп и хочет, чтобы Чехова принадлежала целиком только ему, а не миллионам театральных и кинозрителей, она отказалась бросить актерскую карьеру, они расстались.

Во время войны Ольгу Константиновну настигла настоящая страсть, она влюбилась в летчика-аса, капитана Фердинанда Йепа. Познакомились они романтически. По Европе, недавно оккупированной фашистами, триумфально проходили гастроли театра Чеховой: Париж, Лион, Брюссель, Лилль...

После одного из спектаклей ее пригласили на вечеринку галантные офицеры люфтваффе (вообще летчики во всем мире всегда любили актрис, вспомним хотя бы Валентину Серову, носившую фамилию трагически погибшего мужа-пилота). Чехова не могла отказать рослому, мужественному, уверенному в себе капитану, который к тому же был значительно моложе ее. Это была любовь с первого взгляда. Вспыхнул головокружительный роман, они не могли видеться часто, у нее – съемки, гастроли, театр, у него – театр военных действий, роман продолжался в письмах.

Он называл ее «Олинка». «Mon amour, Olinka, нас разделяют более тысячи километров, но мне кажется, что ты всего лишь в нескольких метрах, словно в соседней комнате и вот-вот войдешь: сейчас я услышу твой голос – и я забываю... о фронте, этом проклятом фронте, который я ненавижу, как ненавижу всю войну...» – писал он в одном из писем. Это была и духовная близость: Йеп был образован, интеллигентен, прекрасно музицировал и тоже презирал нацистов.

Больше года длилась эта романтическая связь, пока в конце 1941 года истребитель Йепа не был сбит англичанами в небе Ла-Манша».

Насчет замужества Ольги есть свидетельство Ады Константиновны. Она приехала как-то к сестре в Брюссель (Ольга переселилась к мужу, так что решение о замужестве было, как видите, вовсе не мимолетным) и обнаружила, что муж Ольги и впрямь прекрасно выглядит и очень воспитан. Однако Ольга рассказала ей о его скупости, но главное – о том, что Марсель настаивает на том, чтобы она бросила и кино, и театр.

«Я в Брюсселе и в восторге от города. Здесь жить приятнее, чем в Париже. Ольга живет в самой лучшей части города, чудесная квартира, очень элегантная... Едим на черном стекле, и под тарелками салфетки из настоящих кружев. Шофер, кухарка, прислуга, судомойка, все для двоих. Всегда народ – все деловые люди, и разговоры ведутся по-французски, немецки, английски, голландски, фламандски и по-русски. Муж Ольги очень хороший и порядочный человек, изумительно выглядит, очень избалован, но черствый, сухой делец. С ним весьма нелегко. И как-то при всем внешнем здесь неуютно. Ольга, говорят, повеселела, так как я здесь, и хочет ехать со мной в Берлин недели на две, ей там уютнее (29 января 1937 года)».

О том, что дело и впрямь серьезное, Ада Константиновна подумала только тогда, когда обнаружила, что все это время сестра живет исключительно на свои средства и что миллионер не дает ей денег даже на перчатки. Вопрос с полугодовым замужеством, думается, тогда же был решен однозначно.

Правда и анекдоты из жизни Ольги Чеховой

Если говорить о поведении художника в тот или иной исторический период, обязательно надо понимать, с чьей точки зрения мы смотрим на этого художника. Во-первых, известна истина о том, что каждого художника можно судить только по тем законам, которые он над собою признает. Это касается большей частью самой профессии. Но и не только. Почти столь же точно этот закон исполняется и тогда, когда мы говорим о личной жизни музыканта, артиста, писателя и т. д.

Чем провинилась перед нами наша соотечественница Ольга Чехова? Тем, что была вхожа в высшие коридоры власти? Так нет, она в них не обреталась. Ее приглашали на многие высокие приемы – это точно, но на приемах любого рода, если туда приглашают артистов, музыкантов и т. д., политика не делается. Прием – это некое торжество, где участвуют приглашенные, символизирующие собой цвет национальной культуры, и те, ради кого устраивается прием. Ну, еще, конечно, те, кто сам прием организует. Стоит ли удивляться, что в стране, где кроме гитлеровской верхушки больше, не было никакой другой власти, именно эта верхушка и приглашала на приемы своих самых ярких звезд, в том числе и Ольгу Чехову? Если вспомнить Сталина – разве он не приглашал на такие же приемы Любовь Орлову и Валентину Караваеву, Марину Ладынину и Валентину Серову? Разве первая звезда СССР Любовь Орлова не говорила часами по телефону с вождем, разве не он ей позванивал иногда, когда его доставали государственные дела и он хотел расслабиться?

Если мы признаем право советских звезд общаться с тираном Сталиным, то как же мы можем германской звезде Ольге Чеховой запретить быть запанибрата с Гитлером и даже прибегать иногда к его помощи в том или ином вопросе?

Кто может обвинить Любовь Орлову или Зою Федорову в том, что они помогали Сталину в его антинародных делах (если таковые имели место)? Никто. Сталинская вина лежит только на нем, а у них в то время не было иного вождя и учителя. То же самое следует сказать и про Ольгу Чехову.

– Она русская! – это очень веский аргумент.

Но она, русская, не потерпела советской власти и удалилась от нее. Выбор у нее, конечно, был: остаться русской и петь под дудку большевиков или решиться стать немкой и на первых порах не петь ни под ничью дудку. Тем более что в 1921 году никто не мог и предположить, что в Германии одержат победу фашисты.

А есть еще и возрастной момент. Скажите: если актрисе не понравилось, что к власти пришли нацисты, а ей уже 36 лет и нигде ее не ждут, – что ей делать? А ведь на ней еще содержание ребенка: Ольге-Аде 17 лет; на ней – сестра Ада Константиновна. И много-много всех тех «мелочей», что она заработала на своей второй Родине за 12 лет порой непосильного труда – дом, положение, слава...

Ольга Константиновна, конечно, многое приукрашивает, но никто не может опровергнуть ее, сказав, что такое-то и такое-то событие происходило не совсем так или совсем не так, как она описывает.

Вот один из рассказанных ею про себя анекдотов. Он относится к важнейшему для нас периоду: 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, а в июле состоялся прием у Геббельса, на котором... праздновалось скорое взятие Москвы. Гитлеровцы тогда еще были полны иллюзий, что блицкриг непременно состоится и что германская армия победит в этой войне столь же легко, как и в любой из уже оккупированных стран. Чувство эйфории еще не улетучилось, и Геббельс задает фразе Чеховой дежурный вопрос. Пишет Ольга Чехова:

«— У нас эксперт из России – фрау Чехова, – сказал Геббельс. – Не думаете ли вы, что эта война будет окончена еще до зимы и Рождество мы отметим в Москве?»

– Нет, – ответила я спокойно.

Геббельс холодно:

– А почему «нет»?

– Наполеон убедился в том, каковы русские пространства.

– Между французами и нами огромная разница, – снисходительно улыбнулся Геббельс. – Мы пришли в Россию как освободители. Клика большевиков будет свергнута новой революцией!

– Новая революция не состоится, герр министр, перед пропастью русские будут солидарны, как никогда!

Геббельс чуть наклонился вперед и холодно бросил:

– Интересно, мадам, значит, вы не доверяете немецкому военному могуществу? Вы предсказываете русскую победу...

– Я ничего не предсказываю, герр министр. Просто вы мне задали вопрос – будут ли наши солдаты к Рождеству в Москве, и я сказала мое мнение. Оно может быть и верным, и ошибочным.

Геббельс долго смотрит на меня подозрительно. Устанавливается продолжительное молчание...»

Да, она наверняка приврала. Скорее всего, это было не столь смело и решительно, если вообще было. Ольга Константиновна – великий мастер сочинять подобные истории. Но, с другой стороны, почему бы и не произойти именно такому диалогу? Ничего криминального в нем нет. Даже наоборот: женщина, хоть и актриса, владеет большей информацией о России и ее истории, чем все высшие чины рейха, вместе взятые. Она их предупреждает: обратите внимание на то, что вы сейчас находитесь в эйфории, а надо реально смотреть на вещи.

К вопросу об НКВД и Ольге Чеховой мы обязательно вернемся, но сейчас я хотел бы привести самый блестящий из анекдотов о партийных и государственных бонзах Третьего рейха и Ольге Чеховой. Он относится к 1945 году – еще до полного краха, но крах уже просматривается. Естественно, работает вся элита Германии, и она занята вопросами, которые нам очень хорошо знакомы по многочисленным повторениям их в нашей собственной истории – «что делать?» и «кто виноват?». И вот, видимо, получив от кого-то эти данные, Гиммлер заподозрил во всех бедах русско-немецкую актрису. А может быть, у него были и неопровержимые доказательства ее причастности к разведке СССР? Этого мы, к сожалению, не узнаем.

Гиммлер, встречи которого с актрисой носят столь же частый характер, как и у других представителей верхушки, естественно, относится к ней с той долей симпатии, с которой мы также относились бы к человеку, на протяжении многих лет участвовавшему почти во всех наших застольях, даже если мы его недолюбливаем. А недолюбливать Гиммлеру Ольгу Константиновну было за что: он со своими заслугами не был столь приближен к Гитлеру, как она, которая ради этого, в его представлении, палец о палец не ударила. Чиновники и политики никогда правильно не оценивали талант. И вот Гиммлер, который решил все же арестовать Ольгу Чехову (возможно, повторяю, не без оснований), не может утерпеть, чтобы не высказать ей этого:

– Завтра я вас приеду арестовывать. Лично.

Это он говорит, заметьте, поздно вечером, почти ночью. В течение этой ночи актриса, связанная семьей (у нее уже есть внучка Вера), конечно же, никуда не убежит, и никакие агенты НКВД не успеют ей помочь.

Все-таки, видимо, Ольга Чехова была настоящей актрисой. Она говорит спокойно и чуть возмущенно:

– По крайней мере без своего утреннего кофе я никуда с вами не поеду. Поэтому потрудитесь, чтобы арест состоялся позднее этого срока.

Рейхсфюрер торжествует. На следующее утро он терпеливо дожидается времени, когда актриса заканчивает чаепитие (утренний кофе), и только после этого врывается в дом.

И застаёт там... Гитлера! Фюрер преспокойно беседует с актрисой, попивая кофе.

– Это не самая удачная ваша шутка, Генрих! – говорит фюрер.

Участь Ольги Чеховой решена раз и навсегда.

Правда это или нет, но рассказано здорово. А вот слова Ольги Константиновны о Гиммлере: «Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер производит впечатление чего-то незначительного. Похожий на землемера на пенсии, с круглым обывательским лицом, он топчется и чувствует себя явно не в своей тарелке, когда же видит меня в глубоком декольте, каменеет от изумления».

Портрет, скорее всего, предельно точен. Думается, Прокопович, игравший Гиммлера в «Семнадцати мгновениях весны», очень прочувствовал этот образ и сыграл именно такого человека. Хотя вряд ли к 1973 году книга воспоминаний Ольги Чеховой «Мои часы идут иначе» была хоть частично переведена. А возможно, ей помог сам Юлиан Семенов или немецкие друзья... В общем, актер играет будто по Ольге Чеховой. Если же это придумка его самого и Татьяны Лиозновой, то это иначе как гениальным прозрением не назовешь.

Об Ольге Чеховой ходили в Германии поразительные слухи. Будто она является любовницей Гитлера и будто Гитлер, куда бы он ни направлялся, прежде всего приказывал приготовить ему и Ольге Чеховой достойные их апартаменты. В том числе и в бункерах, где фюрер хоть раз бывал, была специальная комната для его уединений с актрисой. Что ж, и у нас ходят теперь про Ольгу Чехову похожие слухи. Словно бы она была не только любовницей Гитлера, но и любовницей Сталина. Реже ее имя связывают с Лаврентием Берией.

Самое интересное, что эти слухи об актрисе и фюрере нисколько не роняли тень на саму Ольгу Константиновну. Наоборот, возникнув и распространившись, они, скорее всего, оградили ее от многих мелких и крупных бед. Конечно, эти байки доходили и до самого Гитлера. И можно понять его собственную реакцию на них: ему было лестно, только и всего. Ведь в них в качестве его любовницы фигурирует самая красивая женщина Германии – что еще нужно вождю?

Правда прозаичнее: ничего такого не было, да и приемы были не так уж часто. А вот слухи эти продлили ее популярность как актрисы на много лет. Впрочем, она не старела, и многие завистники говорили, что актриса владеет секретом вечной молодости.

В мистической Германии эти слухи опять же могли только добавить ей шарма. И авторитета в любых кругах.

После войны

В апреле 1945 года советские войска, уже вступившие на территорию Германии, добрались до предместья Берлина Кладов, где жила актриса. Узнав, кто она такая, солдаты немедленно ее арестовали. Вернее, это были «корректные офицеры советской контрразведки», которые увезли ее сначала в Карлхорст, ставку Советской Армии, оттуда – в Позен (ныне Познань, Польша. – *Примеч. авт.*), а затем самолетом в Москву.

По разным данным, в том числе и по воспоминаниям самой Ольги Чеховой, ее переправили обратно в Германию 26 июля 1945 года. То есть она провела в Москве 3 месяца. Однако Виталий Вульф обнаружил, что в секретных донесениях, адресованных Абакумову, говорится, что уже 30 июня актриса опять оказалась за границей.

Что с нею было в Москве?.. Мы знаем, что с попавшимися под руку бывшими эмигрантами из Советского Союза власти в то время не церемонились. Значит, ее отвезли в тюрьму?

Нет. Все то время, что провела Ольга Чехова в Москве, она прожила в тщательно охраняемой двухкомнатной квартире. Однако никуда оттуда не выходила – ей даже не позволили встретиться с Ольгой Леонардовной. При ней всегда находилось несколько офицеров, и одним из основных занятий этих молодых людей было играть с Ольгой Константиновной в шахматы. Но это был, как говорится, только досуг. Что касается «работы», то в качестве таковой Ольге Чеховой предоставляется транспорт, который довольно часто на всем протяжении времени ее пребывания в СССР доставляет актрису в Кремль. Там с нею беседуют генералы НКВД. Считается, что она неоднократно имела беседы с Абакумовым, Меркуловым и даже Берией. Беседы касались, если верить ее словам, личных знаний актрисы о высших чинах Третьего рейха. И не только. Она рассказала и все, что знала, например, о Муссолини («Он был образованный и начитанный собеседник» – так она напишет о диктаторе), с которым у нее тоже были теплые отношения. Однако разведку интересовали больше те люди, о которых она вовсе не могла им ничего сообщить. Например, Борман, с которым актриса не виделась ни разу. А именно Борман был тем исчезнувшим из поля зрения союзников чином, которого разыскивали. И так далее. Из ее воспоминаний получается, что целью НКВД были именно эти долгие светские беседы. Виталий Вульф в своем материале об Ольге Чеховой приводит отрывок из ее воспоминаний о том, какие именно разговоры велись, каким было их содержание.

«Допросы сохранились. Написаны они от руки. Подробные рассказы о приемах, устраиваемых Герингом, Риббентропом, о встречах с Гитлером, Геббельсом. Вот отрывок: «Точно не помню, в котором это было году, когда приезжал из Югославии король с женой. Кажется, в 1938-м, были большие чествования четыре дня подряд. Весь Берлин был украшен и освещен как никогда. Первый день их принимал Гитлер у себя, потом спектакль (опера Вагнера), второй день на даче у Геббельса в Ланке (по дороге в Шорфхейде – 60 км от Берлина по шоссе на Пренцлау), на третьем приеме я была – это было вечером в 11 часов, и хоть я отказывалась (для меня это было всегда утомительно), пришлось поехать – королевская чета видела меня в фильмах, а королева, как русская, хотела со мной познакомиться. Прием в Шарлоттенбургском дворце был дан Герингом – значит, все было очень богато. В прусском старинном дворце комнаты были освещены свечами в старых люстрах, все присутствующие были в костюмах времен Фридриха Великого. Геринг с женой встречали гостей. После ужина я сидела с королевской парой в саду, говорили о моих фильмах, о моих гастролях, о Художественном театре...»

О том, что Ольга Чехова в Москве, московские родственники не знали, пока не произошло знаменательное событие, проливающее некоторый свет на все обстоятельства отбытия Ольги Чеховой из Германии. Было это так, как описывает В. Вульф:

«Сразу после окончания войны, спустя две-три недели, в квартире Ольги Леонардовны по улице Немировича-Данченко, дом 5/7, раздался телефонный звонок. Мужской голос просил

прийти за посылкой, которую Ольга Чехова послала ей. Старая актриса попросила пойти за ней своего близкого друга, актрису МХАТа С.С. Пилявскую. Когда дома посылку открыли, то обратили внимание на то, что на конверте письма было написано: «О.К. Книппер-Чеховой». Письмо было от дочери Ольги Константиновны, адресованное матери. Дочь беспокоилась, что мать срочно вылетела на гастроли в Москву и не успела захватить с собой концертное платье, перчатки и необходимые детали туалета, и вот теперь у нее была возможность с каким-то капитаном Советской Армии все это переслать в Москву. Ее очень интересовало, как проходят гастроли во МХАТе и виделась ли она с тетей Олей. Ольга Леонардовна была озадачена. Никаких гастролей Ольги Чеховой в Москве не было, никто понятия не имел об ее приезде, а между тем из письма было очевидно, что Ольга Константиновна в Москве и перед отъездом даже своей дочери не сказала правды. Переполюх в доме был большой. Еще был жив великий русский артист Василий Иванович Качалов, ближайший друг Ольги Леонардовны, и она кинулась к нему. Качалов был знаком с комендантом Берлина генералом Берзариным, и он решил позвонить ему. Всегда очень любезный, генерал на этот раз был холоден и посоветовал Качалову никогда никому никаких вопросов об Ольге Чеховой не задавать. Все было непонятно и таинственно».

Пребывание Ольги Чеховой в Москве закончилось, как это ни странно, очень мирно. Ее отправили обратно в Берлин. Причем советские оккупационные власти получили строгое распоряжение во всем помогать актрисе и ее семье. Это сама актриса, ее дочь с мужем и детьми, а также сожитель Ольги Константиновны Альберт Зумзер, чемпион по легкой атлетике и тренер. Если мы поинтересуемся, в каком возрасте находился этот Альберт, то узнаем, что год его рождения – тот же, что у Ольги, дочери Ольги Константиновны, то есть 1916-й. Время в разрушенной Германии было голодным, но благодаря помощи властей вся семья Ольги Чеховой ни в чем не нуждалась.

Относительно семьи Ольги в Берлине Виталий Вульф приводит такой текст, который должен нас заинтересовать в дальнейшем:

«В интересной по документам книге Владимира Книппера «Пора галлюцинаций» приводится документ, подписанный начальником четвертого отдела Главного управления Смерш: «О.К. Чехова в настоящее время проживает в гор. Берлине, Фридрихсхаген, Шпреештрассе, 2. Вместе с ней проживают: Чехова-Руст Ольга Михайловна, 1916 года рождения, дочь О.К. Чеховой, актриса. Руст Вильгельм, немец, врач-гинеколог, с апреля 1945 года в германской армии, был в плену у англичан, муж О.М. Чеховой, и некто Зумзер Альберт Германович, 1913 года рождения, немец, преподаватель физкультурной академии в Берлине, чемпион по легкой атлетике. Живет у О.К. Чеховой и находится с ней в близких отношениях». Он был моложе Ольги Чеховой на шестнадцать лет. По хозяйству им помогала домработница. Этот документ был написан в ноябре 1945 года, а 22 ноября 1945-го Берия начертал: «Тов. Абакумову, что предлагается делать в отношении Чеховой? Ответа на этот вопрос нет».

О резолюции мы поговорим позже, а пока что облегченно вздохнем: все-таки Альберт Земзер не ровесник молодой Ольги: он только на три года, но все же старше дочери своей возлюбленной и, таким образом, моложе Ольги Константиновны не на 19, а только на 16 лет. Видимо, число 16 и сбилось с толку биографа, у которого я взял сведения для предыдущего абзаца, и он вместо 1913-го написал 1916-й.

Пока все шло, как шло, однако в 1950-е годы возникли устойчивые слухи, будто Ольга Константиновна оказывала услуги советской разведке, что она работала лично на Берию или даже на Сталина и что в Кремле сам Сталин вручил ей орден Ленина за высокие заслуги.

Ольга Чехова стала получать мешки писем с угрозами, а однажды на улице разъяренная патриотка Германии плюнула ей в лицо. Биографы говорят, что случай этот был не единичным, но в воспоминаниях Ольги Константиновны он фигурирует именно так: «А однажды...» Только благодаря ее выдержанному характеру она сумела пережить эти несколько лет травли

и выстоять. Потом травля закончилась так же резко, как и началась, хотя слухи об актрисе ходили и ходят до сих пор – и в Германии, и в России. Потому и вызвала у публики активный интерес книга «Мои часы идут иначе», которую актриса написала в 1970 году. Однако на тему сотрудничества с НКВД там не было ничего. Более того: Ольга Чехова как раз отвергала все подобные слухи разом, не собираясь оправдываться и доказывать свою невиновность. Многие и сейчас считают это косвенной уликой ее виновности, обвиняют даже в умолчаниях, причем там, где вроде бы актриса как раз все, что нужно, сказала.

Однако в распоряжении биографов имеются не только воспоминания актрисы. Например, сохранилось письмо, написанное Ольгой Константиновной Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, и вот как представляет его В. Вульф:

«В архиве сохранилось письмо Ольги Чеховой, адресованное О.Л. Книппер-Чеховой уже после возвращения из Москвы. «Моя дорогая и милая тетя Оля! Наконец-то собралась тебе написать. Я застряла в Вене. Олечка с мужем и Верочкой живут со мной. Доктор Руст начинает работать здесь, в больнице (муж дочери. – В.В.). Сегодня я навещала Аду с Мариной – и насмеялась до слез, как Ада доит корову. Ведь у них целое хозяйство. При твоей подвижности тебе ведь не трудно нас навестить, и все мы тебя ждем с нетерпением. От Ады, Олечки и Марины ты знаешь все события последних лет. Бедная мама не пережила того, что так ждала, – победы русских. О себе еще мало могу написать, так как переезд меня совершенно замучил. У нас в гостях был Симонов и рассказывал много о Леве. Где ты будешь в следующие месяцы? Пиши и, самое лучшее, прокатись к нам. Так хочется тебя обнять. Олечка и Верочка, Ада и Марина присоединяются к моим сердечным поцелуям. Твоя Оля (2 августа 1945 года)». Это письмо застряло в недрах КГБ и О.Л. Книппер-Чеховой доставлено не было».

Может быть, потому, что письмо не было доставлено по адресу, мы и имеем возможность прочесть его. Дело в том, что Ольга Леонардовна много-много лет боялась всего того, что связано с Ольгой. Она была как-то в Берлине – с парижских гастролей МХАТа она нарочно заехала к племяннице, это было еще в 1937-м. Ольга устроила тетке самый теплый прием, в общем-то, и не задумываясь о том, какое это может произвести на Ольгу Леонардовну впечатление. Конечно, Ольга Чехова хотела как лучше... Ольга Леонардовна возвратилась в Москву в великом смятении – в доме племянницы она встретила практически всех тех, о ком советские газеты день и ночь трубили как о монстрах: это были высшие чины рейха! Актриса вернулась в Москву не только с задержкой, как и планировала, а даже раньше времени. Свою тайну Ольга Леонардовна доверила только самой близкой подруге, Софье Ивановне Баклановой, с которой жила вместе в одной квартире. Только через тридцать лет, после смерти актрисы, Софья Ивановна поведала о событии другим, тоже самым близким к ней людям. Благодаря им мы и узнали о встрече тетки и племянницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.